Ципора Кохави-Рейни

Королева в ракушке

Повесть
о беспокойной жизни и любви
израильской писательницы
Наоми Френкель

книга вторая

Восход и закат

часть вторая

Ципора Кохави-Рейни

Королева в ракушке. Книга вторая. Восход и закат. Часть вторая

«Книга-Сэфер»
2017

Кохави-Рейни Ц.

Королева в ракушке. Книга вторая. Восход и закат. Часть вторая / Ц. Кохави-Рейни — «Книга-Сэфер», 2017

ISBN 978-965-7288-3-1

Продолжение биографического романа Ципоры Кохави-Рейни о жизни великой израильской писательницы Наоми Френкель. Третий том трилогии продолжает историю любви Наоми и Израиля Розенцвайга. Наоми – уже признанная писательница – едет в Германию. Она пытается понять истоки нацизма и его роль в нынешней Германии. И пишет продолжение своей главной книги – «Шауль и Иоанна». Сложнейшие перипетии политической жизни молодого еврейского государства, непримиримая партийная борьба ломает судьбы героев… Впервые столь откровенно рассказывается о жизни Израиля. Книга – в полной степени станет энциклопедией израильской жизни тех лет.

ISBN 978-965-7288-3-1

© Кохави-Рейни Ц., 2017
© Книга-Сэфер, 2017

Содержание

Глава четырнадцатая 32
Глава пятнадцатая 46
Глава шестнадцатая 58
Глава семнадцатая 71
Глава восемнадцатая 86
Конец ознакомительного фрагмента. 87

Ципора Кохави-Рейни
Королева в ракушке. Книга вторая. Восход и закат. Часть вторая

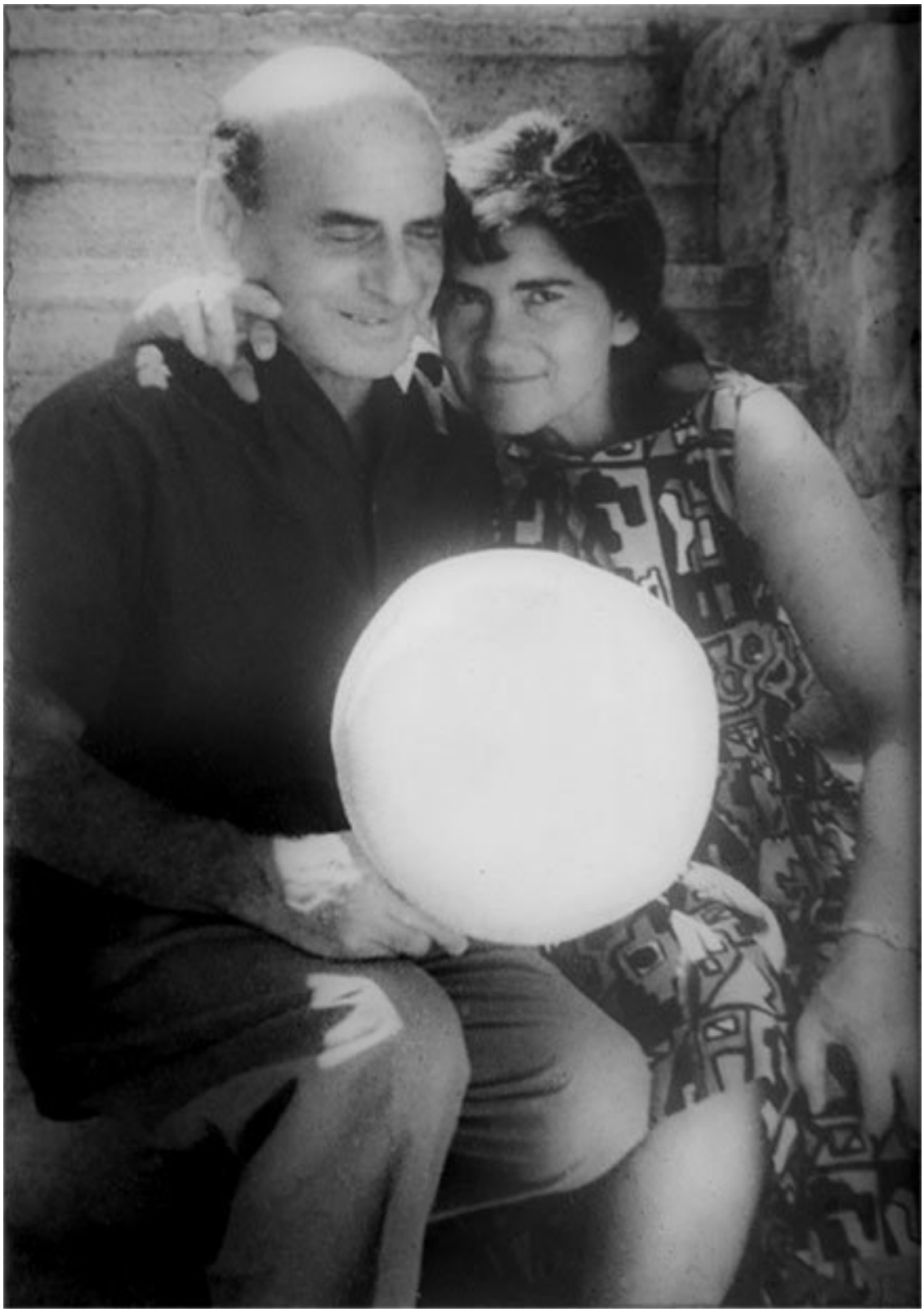
© Silvia Horwitz, Minnesota, 2017
©Tsippi (Zipora) Rainey,ציפורה כוכבי – רייני
©Эфраим Баух, перевод на русский язык, 2017

* * *

Сыну моему Йони (Йоханану) Рейни и всем моим ученикам

ציפורה כוכבי-רייני
מלכת הקונכייה
סיפור חייה הסוערים של נעמי פרנקל

Марта Френкель до рождения старшей дочери. 1902 год.

Марта и Артур Френкель. 1902 год.

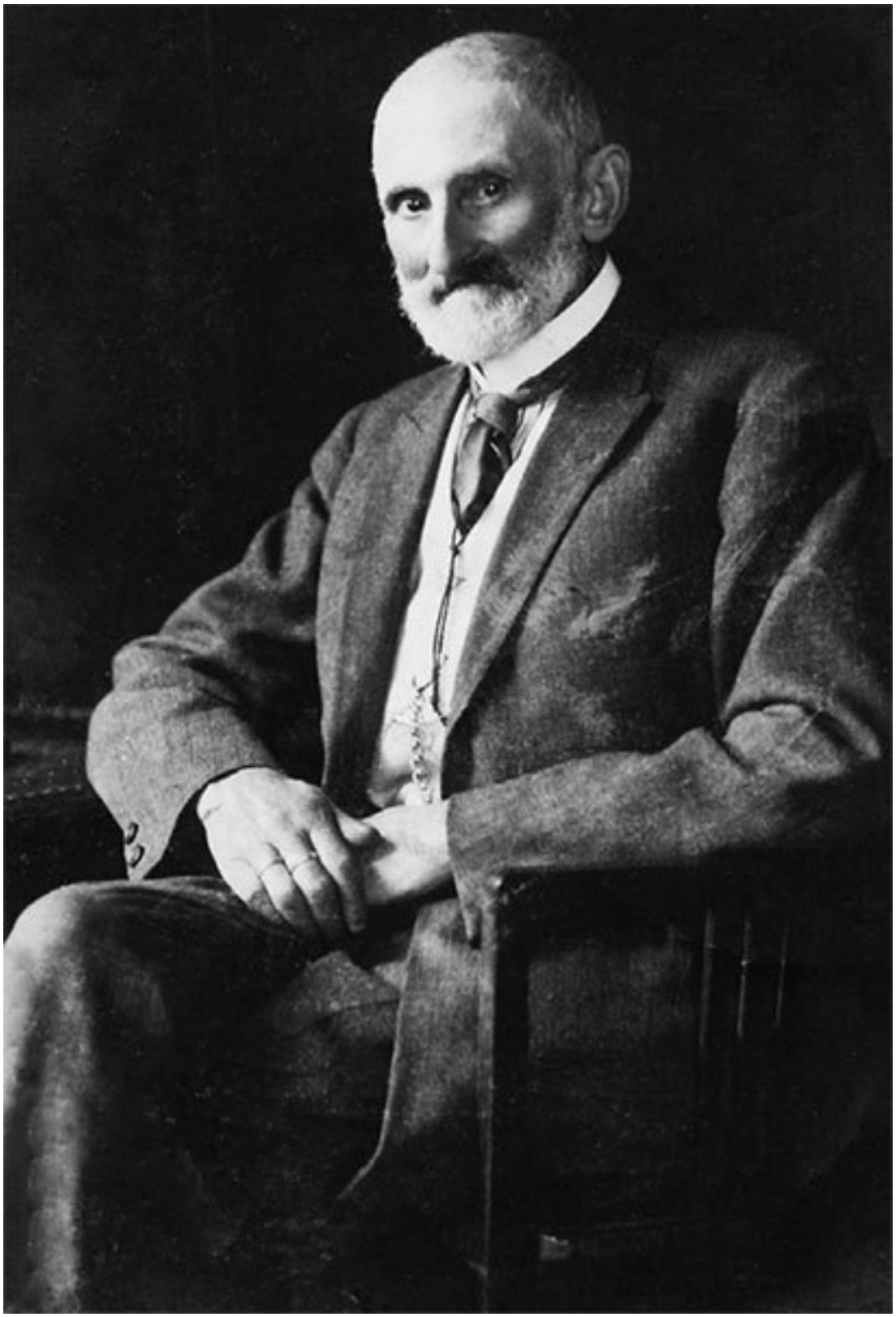
Марта с подругами. 1902 год.

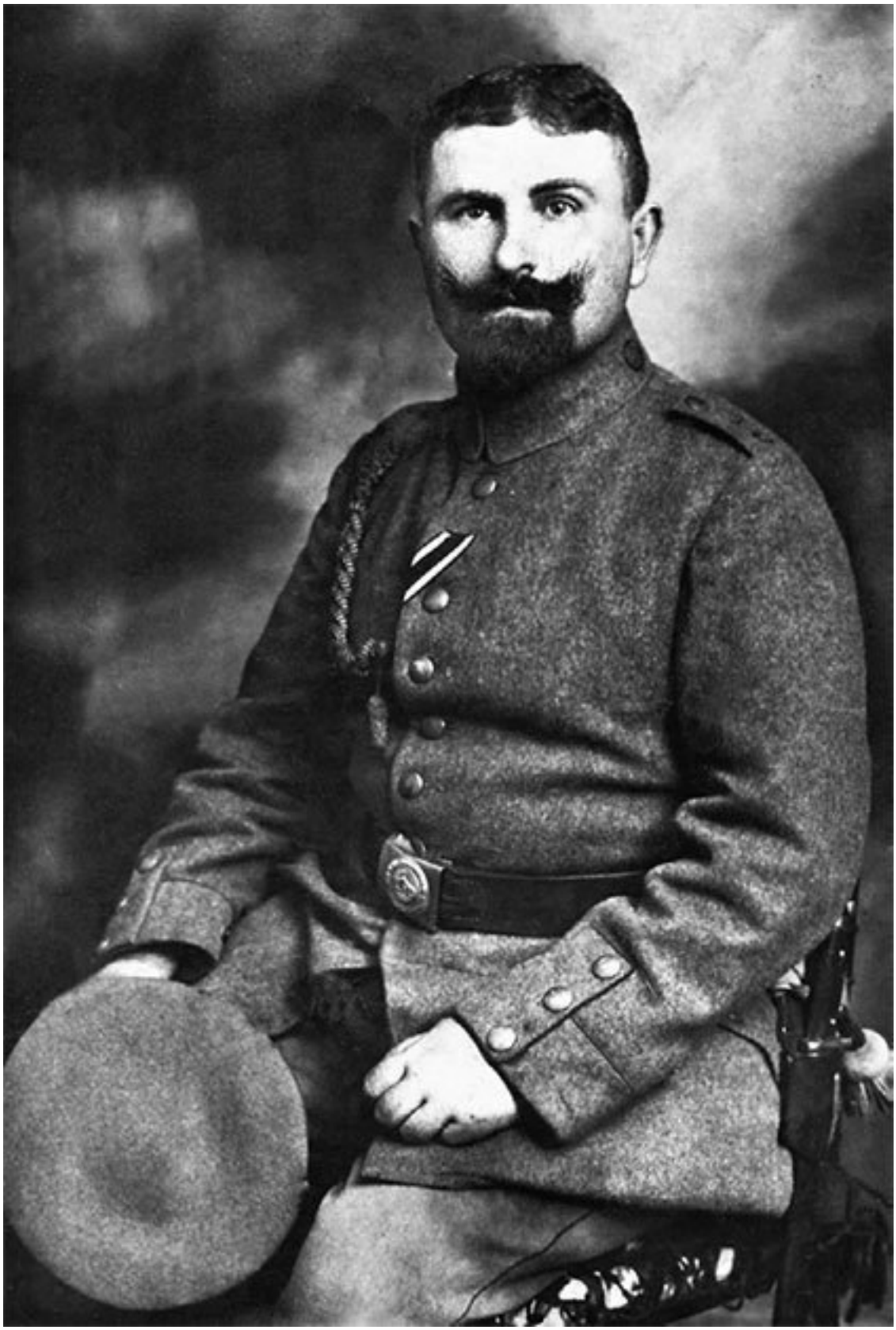
Мать Якова Френкеля. После 1840 года.

Жена Якова Френкеля. Около 1910 года.

Яков Френкель. 1914 год.

Артур Френкель. 1914 год.

Тетя Регина, сестра Якова Френкеля.

Марта и Лотшин. 1911 год.

Марта и дети: Лотшин, Луц, Эльзе, Гейнц, Рут. 1916 год.

Марта и Лунц. 1917 год.

Наоми полгода. 1919 год.

Наоми 2 года. 1921 год.

Бертель (Наоми) и сын подруги Марты Зиги Коэн. 1923 год.

Бумба и Бертель. 1923 год.

Лотшин. 1923 год.

Лотшин, Бертель (Наоми), Эльзе, Рут, Бумба, Гейнц, Лутц. 1923 год.

Семья Френкель. 1923 год.

Эльза и Лотшин. 1926 год.

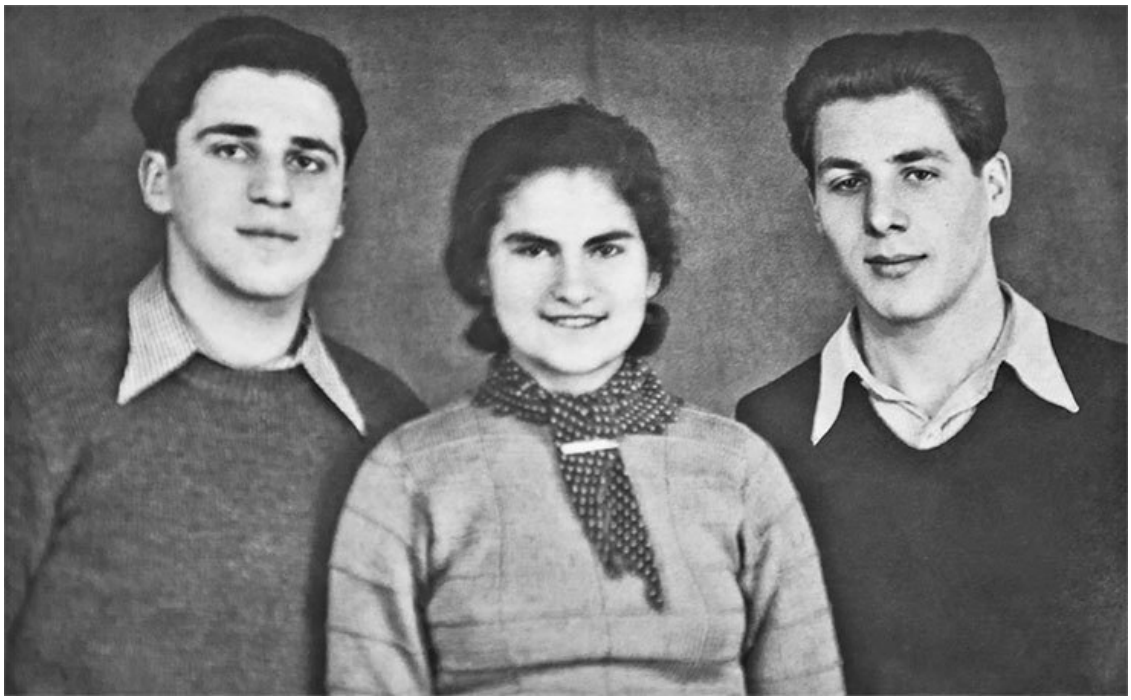
Эльза и ее муж Герман. 1933 год.

Гейнц. 1930 год.

Наоми и Бумба (Эрнст). 1923 год.

Фузель, Наоми и Реувен Вайс. 1933 год.

Обстановка берлинского дома семьи Френкель.

Am Freitag verschied nach kurzer, schwerer Krankheit mein geliebter Mann, unser treusorgender, herzensguter Vater und Grossvater, Sohn und Bruder, Schwager und Onkel, Herr

Arthur Fränkel

(früher Krotoschin)

im 51. Lebensjahre.

Berlin-Weissensee
Goethestr. 16

Im Namen der Hinterbliebenen

Doris Fränkel geb. Brünn
und Kinder

Beerdigung Montag, den 11. Januar 1932, 12 Uhr, Weissensee, Neue Halle.

Von Beileidsbesuchen und Kranzspenden bitten wir abzusehen.

Объявление о смерти Артура Френкля.

Фамильный склеп семьи Френкель.

Глава четырнадцатая

Любимый мой человек!

В эту минуту самолет взлетел. Я не почувствовала никакого неудобства. Теперь мы летим над морем. Оно выглядит, как темное болото, замершее, без всякого движения. На горизонте облака близки, и подобны горным хребтам. Солнце слепит, но в салоне жар неощутим, прохладно, приятно. Я сижу у иллюминатора, но смотреть в него можно изредка из-за солнца. Тяжело мне было расстаться с вами, и все еще болит сердце, и это будет до тех пор, пока я снова не сойду с самолета, и увижу тебя, несущего улыбку мне навстречу.

Дорогой мой, не печалься. Время проходит быстро. Еще немного, и я вернусь. Поцелуй нашу малышку и пиши, много и быстро. Крепко целую тебя,

Твоя Наоми

18.09.60

Наоми прилетела в Рим. Она приглашена в дом Ады Сирени. Там ей расскажут о деятельности движения Алия Бет в Италии. Ада – вдова Энцо Сирени, одного из основателей кибуца Гиват Бренер. Он был послан в тыл нацистов, взят в плен и погиб в концлагере. Йегуда Арази, боец «Хаганы», добрался до Италии. Ада помогала ему доставать деньги на покупку кораблей и необходимое оборудование. Они привлекали богатые еврейские семьи, агитировали в клубе перед Миланским собором. В клубе тайно собирались члены Алии Бет и беженцы из концлагерей. Отсюда устанавливали связь по радио с подпольщиками в Европе.

Наоми сопровождает в Италии израильтянин Моше. Он предупреждает Наоми о властном характере Ады. Активисты Алии Бет до сих пор осуждают ее диктаторские замашки. Говорят, что она требовала не только абсолютного подчинения, но и выполнения ее личных поручений: покупки, очередь в парикмахерскую, поездки.

Ада встречает ее с распростертыми объятиями, но вскоре становится видно ее высокомерие. Рассказывая о деятельности морского подразделения Пальмаха, она повторяет: «Что ты знаешь? Что может в этом понять, девочка?»

Наоми разочарована. Создается впечатление, что Ада одна несла на своих плечах весь сложный процесс нелегальной эмиграции, и естественно, что все награды причитаются ей. Но, с другой стороны, она благодарна Аде за информацию. Ада говорит по телефону с итальянским евреем Рафаэлем Кантони, инициатором Алии Бет, а также с итальянцами, помогавшими ПАЛЬМАХ. Она просит их встретиться с писательницей из Израиля.

Наоми приглашают в дома добровольных помощников в Риме. Ее до слез потрясает героизмом итальянских евреев. «За всю свою жизнь я не встречался с такими парнями, людьми, которые могут забыть себя, умереть в любой миг ради репатриации», – дрожащим голосом Наоми потрясена.

Перед ней открываются ворота в мир невероятной, не знакомой ей до сих пор, человечности.

На экскурсиях она впитывает волшебные пейзажи, проносящиеся мимо, и мысли ее возвращаются в сороковые годы. Она уже обдумывает новую книгу, анализирует накапливающуюся информацию.

Шалхевет Приер и его товарищи трудились круглые сутки, чтобы добыть деньги. Старые суда переполнялись беженцами. В море за этими кораблями следили самолеты и эсминцы, угрожая им, если они приближались к территориальным водам. Британские корабли забрасывали беженцев бомбами со слезоточивым газом, направляя на них орудия. Они плыли без остановок в портах. У них не было средств радиолокации. Они терпели

угрозы и унижения. Их корабли ломались. Им грозили изгнанием из Израиля. Их содержали в концлагере. Но ничто не останавливали репатриацию. Их не пугали доходящие сообщения о жертвах преследований. Они готовы были на все, лишь бы добраться до земли Обетованной. Картошка, консервные банки, болты, кипяток, – все было оружием в их руках. Долгое плавание изматывало и капитанов кораблей и пассажиров, качка лишала их сил. Активисты поддерживали их дух, учили израильским песням и словам на иврите, рассказывали о еврейских первопроходцах и готовили их к жизни в кибуцах, мошавах, городах. С приближением британских самолетов или эсминцев, мгновенно все скрывались в трюме корабля. На допросе называли ивритские имена, поднимали на мачту израильский флаг, с гордостью пели «Атикву».

За четырнадцать лет нелегальной эмиграцией в Израиль прибыло более ста двадцати тысяч евреев. Значительно увеличилась численность еврейского населения страны, что сыграло немалую роль в решении провозгласить государство Израиль.

Наоми Моше, бывший боец штурмового отряда Пальмаха, привел Наоми к полуразрушенному средневековому замку на берегу моря и познакомил с удивительной женщиной, помогавшей нелегальной миграции. Это была русская княгиня, бежавшая от большевиков в Италию. Ревнительница личной свободы, она относилась с глубокой солидарностью к жертвам Катастрофы.

Продолжая свои странствия вдоль Италии, Наоми шлет Израилю открытку из Неаполя.

14.09.60

Увидеть Неаполь и умереть!

Море темное, рыбачьи лодки одолевают волны. Огни Неаполя тянутся к подножью холмов и гор. Ветром доносит звуки скрипки, и голос певца заполняет все пространство – «Санта Лючия». И это не сон, а реальная ночь в городе Неаполе на берегу Средиземного моря, и несет эта ночь тоску по тебе, усиленную нежностью песни.

Твоя Наоми

28.09.60

Дорогой мой,

Сейчас я в Милане. Несколько дней мы объезжали окрестности Неаполя. Не знаю, как для других, для меня ностальгия – тяжелая болезнь. Мы вернулись в Рим и оттуда улетели в Милан. Завтра улетаем на пару дней в Цюрих. Оттуда – в Мюнхен. Я очень устала. Долгие переходы пешком были свыше моих сил. Очень скучаю по тебе и детям.

Милан красивый город, совсем не похож на Рим. Современные небоскребы в американском стиле впечатляют. Я научилась есть спагетти, как настоящая итальянка.

Прибуду в Цюрих, тут же напишу тебе письмо.

Твоя Наоми

Она летит в самолете над Италией в Цюрих и размышляет. Многие евреи не хотят иметь никакой связи с Германией. Но мы, родившиеся там, ощущаем болезненный разрыв.

Она вспоминает обращенные к ней слова Гершона Шалома: «Мы никогда не сумеем отрешиться от переживаний нашего детства и юности, ведь Германия – это природа и язык, впитанный с молоком матери, это незабываемые впечатления начала жизни. И ненависть к Германии не будет длиться вечно. Конечно же, нельзя забыть, что сделал нам немецкий народ, невозможно стереть это из нашей памяти, поддаться амнезии, облегчить их вину. Но мы должны вести себя с ними, как гордые евреи. Мы должны глядеть вглубь общей с ними Истории и говорить с еврейской точки зрения. Призыв немецкого народа к разговору с еврейским народом – это стыд, бормотание, заикание, рожденное неуверенностью. Но, с другой

стороны, это свидетельствует о положительных основах этого диалога, и его следует приветствовать».

В Цюрихе – промежуточная остановка. Она посещает санаторий для детей обиженных судьбой, инвалидов. Здесь содержится дочь их друга, философа Шмуэля Бергмана. Ребенок до смерти напугал жену Бергмана. Она так и не смогла принять это существо с большой головой на тонкой шее, худым тельцем и пеной, текущей изо рта. Бергман пытался найти новый дом для ребенка, но ему это не удалось. Перед отъездом Наоми, он пожаловался ей: «В Швейцарии правительство настроено антисемитски, но там умеют обращаться с такими детьми. У нас я не нашел ни одного еврея, который смог бы это сделать». Он один посещает ребенка, ибо жена не находит в себе силы даже смотреть на дочь. Наоми обещала сообщить ему о его состоянии. В заведении появление чужого человека взывало целый переполох. Девочка, испытывающая страх перед людьми, привязывается к Наоми и обнимает ее. Малышка чувствует глубокие и искренние эмоции Наоми по отношению к себе. Страдающие люди тянутся друг к другу.

Вернувшись в аэропорт Цюриха, она попадает в неприятную историю. Германский чиновник, увидев израильский паспорт Наоми, записал в графе национальность – «израильтянка».

«Извините, господин, я по национальности – еврейка.

«Госпожа, сегодня мы говорим – «израильтянин», а не – «еврей». Чиновник изображает радостное лицо по поводу исторического исправления.

«Вы ошибаетесь, я не израильтянка, я – еврейка. Так и запишите национальность – еврейка». Лицо чиновника выражает понимание, но он стоит на своем: «Нет, госпожа, сегодня мы пишем – «национальность: израильтянин». Она упрямо этого не принимает. В сегодняшней Германии хотят стереть слово – «Йуде»! Желтый лоскут в форме магендавида, который нацисты навешивали евреям на грудь, вызывает неприятные ассоциации, поэтому хотят сделать для нее доброе дело, называя ее израильтянкой, а не иудейкой! Первое отвратительное переживание. Слово «Йуде» все еще осталось проклятием!

Нацизм исчез, как политическое движение, но продолжает жить в соседней с Германией стране. Гитлер втянул немцев в уничтожение целого народа, превратив слово «Йуде» в проклятие.

«Я – еврейка!»

Никак она не может втолковать этому немцу, что для нее израильское гражданство – дело второстепенное.

«Но оно более элегантно, более современно, – вмешивается стоящий за ее спиной израильский турист, – Вы только раздуваете антисемитизм этими разговорами. Все смотрят на вас!»

«Причем тут Израиль? В первую очередь вы – евреи».

«Она – религиозная», – вмешивается другой германский чиновник у стойки, за которой регистрируют на рейс из Швейцарии в Германию. Была бы она менее деликатна, подняла бы крик на всю очередь израильтян, которые нервничают по поводу задержки с регистрацией.

«Почему вы не говорите, что вы – евреи. Говорите об этом с гордостью – мы евреи», – как можно сдержаннее говорит она.

Израильтяне стесняются признаться в еврействе, желая быть, как все народы.

«Из Цюриха я въеду в Германию только, как еврейка. Так и запишите»

Евреи должны начать учиться быть народом.

Германский чиновник не выдержал тяжелого взгляда Наоми. Он решил, что она побывала в ужасе Катастрофы. Он оставил стойку и зашел в боковую комнату, посоветоваться с начальством. В эти напряженные минуты нетерпеливые израильтяне в очереди пытались ее образумить, а швейцарские полицейские бросали на нее пытливые взгляды.

Чиновник вернулся к стойке, вписал в бланк – «еврейка» и прихлопнул печать.

В Германии ее ожидала открытка от Ивон Лей – христианки, которая должна была ее сопровождать. Она писала, что определила двухлетнего сына Бумбы в сиротский дом. Лотшин настаивает: никто из семьи Френкель не будет расти в приюте! Лотшин требует перевести ребенка из Мюнхена в Берлин, и вернуть самого Бумбу с сыном домой, в Израиль, несмотря на то, что полиция запретила ему покидать город. Наоми сомневается в возможности реализации этого плана. И какой будет жизнь крещеного ребенка в еврейской среде?! Но сестра требует от Наоми выкрасть ребенка из приюта, и только после этого убедить суд освободить его от опеки матери.

Какой стыд и позор! Бумба вернулся в Германию, как посланец Израиля и потерял голову. На деньги кибуца, предназначенные на сионистскую деятельность, он открыл в Мюнхене вместе с каким-то мошенником трактир. Бывший пальмаховец Шимон Адан рассказал ей, что Бумба начал пить с посетителями. Его взяли в компаньоны при условии, что он откажется от спиртного. Но приятели, видя, что тот продолжает пить, вышвырнули его из дела. Теперь Шимон Адан помогает Бумбе перебраться в Берлин. В Израиле Лотшин ищет брату жену, чтобы организовать ему устойчивую жизнь. Наоми приходится заниматься делами непутевого брата. Она вынуждена с тяжелым сердцем отложить планы по переводу романа «Саул и Иоанна» на немецкий язык.

2.10.60
Мюнхен
Дорогой мой!

Наконец я устроилась в гостинице, в Мюнхене, после серии авантюрных событий, и пишу тебе подробное письмо обо всем этом. Извини меня, пожалуйста, что письмо это напечатано на пишущей машинке. Ты ведь знаешь, что машинка приводит меня в особое настроение. К тому же, машинка эта новая. Я получила ее в посольстве, в Риме, оплатив ее израильскими лирами на самых наилучших условиях.

Начну по порядку, с момента, как рассталась с тобой. В Риме я была всего один день. Человек, назначенный сопровождать меня, уже ждал, и мы, буквально через час после моего приезда засели за работу. Позвонили Аде Сирени, и она приветливо встретила нас. Пригласила на обед у себя дома. Это женщина лет пятидесяти, невысокого роста, привлекательная лицом, умными глазами, пронзительным взглядом. Встретила нас в своей роскошной квартире, настоящая римская матрона, в которой не осталось и следа от кибуца Гиват Бреннер. В первый час встречи держалась очень сдержанно и замкнуто, откровенно дистанцируясь от меня, ибо в связи с тем, что и она написала книгу на ту же тему, что и я, и не видит необходимости в еще одной такой книге. К сопровождавшему меня Моше отнеслась с той же отчужденностью. И это потому, что, по ее мнению, он принадлежит к тем, кто очернил ее образ и снизил высоту ее личности. Лед сломался, когда Моше рассказал о своей работе, и я объяснила ей, зачем меня сюда направили: писать роман о нелегальной эмиграции, а вовсе не документальную книгу. Это сразу изменило ее отношение ко мне. Эта женщина, несомненно, интересная фигура, достойная стать героем романа. Она рассказала мне многое о своей личной жизни. Передо мной была женщина одинокая, обрадовавшаяся человеку, которому можно раскрыть свою душу. Тут же она взяла нас к итальянскому еврею, одному из активистов, который стоял у основания Алии Бет, – Рафаэлю Кантони, уроженцу Милана. Много лет он был деятелем социалистической партии, членом правительства после падения Муссолини. Сейчас он возглавляет еврейскую общину Рима. Этот человек – убежденный сионист. Даже в дни фашистской власти он общался с приближенными к этой власти, и выдающимися людьми Италии, и все свои связи использовал

для помощи Алие Бет. Он добился, чтобы не было полиции на пути, ведущем репатриантов к кораблям. Он послал первые партии оружия подпольной военной организации «Хагана, из которой выросла Армия обороны Израиля. Он способствовал освобождению парней из тюрем и мобилизовал финансовые средства для поддержки репатриации из Италии. Свободно говорил по-немецки в своем римском доме. На мой вопрос, почему он это делал, рискуя своим положением и самой жизнью, посмотрел на меня с истинным изумлением и ответил просто: «Я ведь еврей. Как же я не отдам душу этому еврейскому делу?!» Вот такой простой человек, скромный, с печальными еврейскими глазами и глубоким проницательным взглядом, сидел передо мной в своем доме, полном добра и огромной коллекции античных предметов, собранных поколениями. На следующий день дали нам машину и повозили по всему Риму. Это был канун еврейского Нового года – Рош Ашана Мы посетили развалины Римской империи. Ее значение ощущаешь лишь тогда, когда стоишь перед ее колоссальными сооружениями. Ты представить себе не можешь подавляющую мощь этих зданий, и растущих из них, как из пуповины, современных домов и палаццо.

Величественные остатки древних строений говорят языком мощи с современностью. Но величественнее всех – Ватикан. Гигантское полукружие высоких колонн вводит тебя внутрь собора, увенчанного огромным позолоченным куполом. Статуи святых смотрят на тебя со всех сторон. Человек столь мал и ничтожен, столь беспомощен перед этой подавляющей мощью, что на тебя нападает страх, охватывающий с головы до ног, перед скрытой силой, которая была всегда и будет всегда, и с этим ничего не поделаешь. Пришла я в себя лишь в церкви Сан-Пьетро ин винколи – Святой Петр в цепях, – перед статуей сидящего Моисея работы Микеланджело. Эта статуя прекрасна. Моисей сидит в окружении мадонн, лицо его, столь человечное, изборождено морщинами страдания. А напротив него – распятый Иисус – символ всех страданий, перенесенных человеком на земле. И все это выражают эти две фигуры.

Ночью Рим залит множеством огней. На крышах соборов мерцают фигуры святых. В эту ночь Рош Ашана мы посетили синагогу в районе древнего римского гетто.

Рядом – здание древнего и ныне действующего еврейского госпиталя на берегу реки Тибр. Дома гетто черны, словно время окутало их траурным покрывалом. Мы ходили по этим улочкам, стараясь освободиться от тяжкого веяния духа, идущего от окружения. Посетили знаменитое римское кафе. В нем проводили время Моцарт, Гёте, Гоголь. Побывали великие личности всех поколений – художники, скульпторы, поэты, писатели, танцоры, актеры, великие политики. И все они оставили здесь что-то – стихотворение, рисунок, ноты, написанные на бумаге, совсем пожелтевшей от времени. Все это висит на стенах. Есть и гостевая книга, в которой посетители оставляли свои автографы. Вы найдете там подписи Моцарта, Гёте, Черчилля. Ребята из посольства пошутили, представили меня, как знаменитую израильскую писательницу, и потребовали гостевую книгу. Ее принесли. С большой помпой явился официант во фраке и лаковых туфлях, и принес эту книгу, в которой я оставила автограф, добавив требуемые от меня детали, и все вокруг были взволнованы, а я была в сильном стеснении.

Название кафе – Эль-Греко.

На следующий день мы поехали в Формию, заброшенное место, откуда отплывали корабли с нелегальными репатриантами. Одинокий полуразвалившийся замок стоит на скале, и в нем проживает полубезумная русская княгиня. Небольшой домик, окрашенный в красный цвет, стоит на берегу. В нем располагался штаб Алии Бет. Вдоль скалистого берега – несколько бедных деревень. Моше был взволнован и никак не мог успокоиться.

Только тут я поняла, что значит уводить корабли в безбрежную глубь моря, без причала. Если есть мужество в мире, оно присутствовало здесь. Мы встречались с ита-

льянскими рыбаками. Некоторые из них знакомы с Моше. Радовались встрече. Они многое знают об Израиле, и отлично понимали, что происходит на берегу.

«Почему вы не сообщали полиции?» – спросил Моше.

«Это нас не касается», – был ответ, сопровождаемый раскатистым смехом. Теперь на берегу построили несколько красивых вилл. Хозяин одной виллы вышел к нам и пригласил отдохнуть. Угостил отличным обедом, и началась живая беседа. Он инженер, на государственной службе, осведомлен обо всем, что происходит в Израиле, знает, что такое кибуц и мошав, перечислил все действующие в Израиле политические партии.

«Вы, – сказал он, – совершили великое дело, оставили прежние профессии и занялись трудом на земле». Интерес к Израилю, как и поддержка, здесь велики. Поимка Эйхмана добавила нам большое уважение. Итальянцы – симпатичный, сердечный народ, культура их жизни проста и красива.

Из Формии мы поехали в Неаполь. Это был великолепный день и такая же ночь. Неаполь – чудесный город, многоцветный, шумный, смеющийся. Много жонглеров и эквилибристов на улицах, а движение просто неописуемо. Посетили судовое агентство, которое организует морские рейсы в Израиль. В агентстве сохраняется комната для служащих Алии Бет. Это был офис Моше. Даже охранник остался тот же, и радость встречи была неописуема, с поцелуями, угощением, воспоминаниями. В Неаполе мы посетили итальянца, капитана корабля, который перевозил еврейских нелегалов.

К моему большому удивлению, итальянцы отлично понимали, какое великое дело они совершают, искренне увлеклись этими событиями.

Мы еще остались в Неаполе. Сидели в ночных сумерках на берегу моря, вдоль которого множество харчевен и трактиров, и оттуда доносится все та же «Санта Лючия». Это была ночь мучительной ностальгии. Моше тосковал по своей жене, излил передо мной свою душу, рассказывая о ней, а я неотступно думала о тебе, и тоже все говорила и говорила, не умолкая, о тебе, и мы перебивали друг друга.

Из Неаполя мы вернулись в Рим, и на следующий день улетели в Милан. Это современный город с небоскребами, широкими улицами и огромными магазинами. Тут у меня была особенно драматическая встреча с человеком, ответственным за финансы, бухгалтером движения Алия Бет. Это итальянский еврей, которого воспитали христиане. Во время войны он вернулся в иудаизм, и начал самоотверженно заниматься делами евреев. Так он пришел в движение Алия Бет.

И, вообще, многое здесь открылось мне по-новому. И все, что я видела и слышала о еврейском народе, открыло в моем сердце новые горизонты, и во многом изменило мое отношение к нашей стране, к нам самими, к моему жизненному пути. Не знаем сами, какие большие дела совершили, совершаем, и еще не пришел час, когда еврей сможет подвести итог своим деяниям. Помнишь, мы долго говорили о кибуце. Ощущение было, что все эти годы мы трудились зря. Теперь думаю, наш подход к делу был неверен. И это понимание все более крепнет во мне, здесь, в этих странствиях по Европе. Это требует личного разговора между нами, лицом к лицу.

Из Милана мы поехали в портовый город Специю, к тайному месту, которое итальянские партизаны передали Алие Бет. Это огромная крестьянская усадьба с большими подвалами, в которых были устроены склады с оружием. Отсюда отплывали корабли, здесь готовили людей к специальным операциям. Это место у широкой реки выглядит весьма романтично. И тут Моше снова погрузился в воспоминания. Это была наша последняя поездка по Италии. Хотелось посетить еще много интересных мест. Но Моше получил приказ – немедленно вернуться.

Поездка в Италию была для меня очень важна. Не только потому, что я увидела страну, как ее не мог увидеть ни один турист, а потому, что я вернулась к себе во мно-

гих смыслах, к пониманию вещей, от которого хотела отказаться. Необходимо было вернуться в прошлое.

Из Милана я летела в Цюрих. Здесь, в нашем консульстве, по напутствию ребят из итальянского посольства, встретили меня с большим уважением. В Цюрихе я была полтора дня. Город мне очень понравился. Везде ощущается безмятежный покой, дома с красными крышами тянутся вверх, как маленькие готические соборы. Люди на улицах никуда не торопятся, не бегут с озабоченными лицами.

Проблемы начались в Мюнхене. Полет был ужасным. Буря с дождем сотрясала самолет, подобно судну в бушующем море. Пассажиры были зелеными и белыми, как мел. Я же держалась, как настоящая израильтянка, затянула ремень кресла, напевала про себя, и удостоилась поощрительных улыбок летного персонала.

Но это еще не все. В Мюнхене длились октябрьские празднества, и невозможно было найти гостиницу. Наконец, удалось найти что-то жалкое, и я, падала от усталости в чужом городе, в абсолютной темноте ночи.

На следующий день я пошла искать Бумбу. Не было у меня никакого адреса и, вообще, понятия, где его искать.

Утром зашла в какую-то харчевню. Неожиданно оказалась перед Германией и немцами.

Запах тесноты и дыма. Люди сидят за столами ранним утром, пьют пиво и едят жирные огромные сосиски, и запах освежеванной свинины пробудил во мне уже, казалось бы, позабытое чувство подстерегающей со всех сторон и носящейся в атмосфере гибели. Итальянцы даже выпившие или совсем пьяные, поют и, вообще, остаются людьми, дружественно настроенными к окружающим. Здесь же тебя окружают отупевшие от алкоголя физиономии, упирающиеся остекленевшим взглядом в пивные бокалы, и ты внезапно понимаешь, что здесь ничего не изменилось.

Я была в отчаянии. Где искать Бумбу в миллионном городе. Дождь льет и льет, и заливает улицы. Зашла на почту. Оставила ему письмо. Побежала в офис авиакомпании «Эль Аль». Он оказался закрытым. Совсем забыла, что это Судный день. Проехала через весь Мюнхен до места, где когда-то жил Бумба. Никто о нем не слышал и не знает. Дали мне адрес еврейской семьи, живущей в том же доме. Поднялась на лифте. Никого нет в доме. Спросила немцев, где здесь поблизости синагога. Мы не знаем, ответили весьма невежливо. В телефонной книге нет адреса синагоги. Решила дожидаться кого-либо из еврейской семьи. Прождала три часа. Явившийся хозяин знал Бумбу, но где он, ему неизвестно. Дал мне адрес синагоги. Там должны быть израильтяне. Пересекла город в обратном направление, нашла синагогу. Есть ли тут израильтяне, спросила я служку. Он позвал израильтянина, уехавшего в Германию. Говорит на иврите, но ужасно стесняется своего положения. Тоже знаком с Бумбой, но не знает, где он. Тут есть студенты из Израиля, может, они знают. Опять поехала на другой край города. Нашла этих ребят израильтян, которые учатся в Мюнхене. Уроженцы Израиля, «сабры», он тоскуют по стране и считают дни, когда смогут вернуться. Среди них есть и такие, которые были посланы официально на учебу, Радость нашей встречи и знакомства была искренней. Многие из них читали мой роман «Саул и Иоанна». Они знали, где Бумба работает. В эти дни здесь открыта международная выставка пищевых продуктов. И Бумба работает в павильоне Израиля. Они тут же побежали на поиски его, но не нашли. Они пригласили меня устроиться на ночь у них, и мы провели приятный вечер.

Бумбу я нашла на следующий день. Поехала на выставку. Что тебе сказать? Пишу тебе спустя два часа после встречи с братом. Я – в шоке. Израильтяне, которые встречаются с ним, рассказали мне о нем, расхваливая его человеческие качества, но по своей наивности он попал в ловушку. Побудешь немного в Германии, поймешь, как это случается.

Он чудесный парень и ты должна его немедленно спасти, сказали они мне. Я нашла его ужасно состарившимся. Видно было, что он здесь много пострадал. Когда я только увидел его, вся неприязнь во мне к нему улетучилась тут же. Сделал он то, что сделал, и дорого за это заплатил, и сделаю все, зависящее от меня, чтобы ему помочь и поддержать. Завтра выставка закрывается, и я хочу уехать отсюда. Сначала – в Дахау, затем в Нюрнберг, и оттуда – во Франкфурт и Кёльн. Возьму Бумбу с собой и отошлю его в Израиль. Не успела еще поговорить с ним, как следует. Честно говоря, я тороплюсь отсюда убраться.

Итак, итог моих странствий до этого момента таков: я превратилась в настоящую бродяжку, странницу по дорогам. Научилась отлично устраиваться. Надо отметить, что относятся ко мне приветливо во всех местах и по-настоящему помогают. Но тоска по тебе и детям лежит тяжким камнем на душе и не спадает. Долго еще не выдержу без вас. Пиши мне, как можно больше о себе и наших детях. Я писала вам часто. Получили ли вы все мои письма и открытки? Кстати, в Цюрихе я купила тебе чудесные часы марки «Омега». Уверена, что ты будешь ими доволен.

Дорогой мой, шлю тебе всю мою любовь. Вижу тебя перед собой, идущего за ребенком, и вы возвращаетесь через поля, а я далеко от вас.

Ваша Наоми

Дорогая Наоми

Ты уже в Германии? Странной должна быть первая встреча со страной, в которой ты родилась. Язык детства окружает тебя, словно бы ты никогда не прекращала на нем говорить. И все же эта встреча каждый раз ставит в ступор. Германия, Германия. Никак я не могу освободиться от кошмара: уничтожения шести миллионов евреев. Вчера наткнулся на домашние туфли наших девочек, перед моими глазами возникли шеренги детской обуви погибших детей в лагерях смерти.

Это был спонтанная ассоциация, вроде не связанная ни с чем, некая искра из картины, которую никогда не видел, и все же глубоко врезавшейся в мою память. И это не единственная картина и не единственное чувство, порожденное страшной реальностью Катастрофы.

Убийство евреев, убийство родных и близких мне людей, уничтожение мира моего детства и моей юности будет сопровождать меня всю мою жизнь. И, все же, я не могу ненавидеть Германию, хотя знаю, что должен ее ненавидеть. Но не могу, – ни язык, ни культуру, ни страну, ни людей.

Я могу ненавидеть нацистов, но не просто немцев. С нетерпением жду твоих писем оттуда.

Что сказать, настроение мое весьма изменчиво. Никак не могу взяться серьезно за работу. Мешает мне какая-то статья, которую должен написать, и нет у меня времени, ибо должен готовиться к лекциям. Но и к ним я не готовлюсь. К началу праздника Суккот я уеду с ребенком в Бейт Альфа. Здесь, на семинаре, никто не останется. Только в пятницу все начнут возвращаться. Кстати, в тот день состоится заседание совета кибуцев. Обещает быть жарким, вдобавок к общей жаре. Ты, наверно, слышала о деле Лавона. Вчера Бен Гурион опубликовал длинное заявление, из которого, весьма запутанного, проистекает, что он вовсе не нейтрален в этом скандале. Как говорится, замешан, и не совсем чист. Что-то происходит в израильском обществе, и вообще на Ближнем Востоке, что-то пробуждается и пытается прорваться наружу. И, кажется мне, эти изменения – к лучшему. Хотя и не уверен.

Весь кибуц Гиват Хавива шлет тебе привет. И я – также. Всегда твой,

Израиль

Ночь. Видения концлагеря Дахау не дают ей уснуть. Нацисты все на одно лицо, и лицо это представляло Германию. Глаза их, как рванные черные дыры, лишенные выражения, во тьме смотрят на нее. Напряжение не отпускает ее. По концлагерю она шла за группой девушек пятнадцати – шестнадцати лет, прислушиваясь к объяснениям, которые давали им учителя.

«Политика была в центре повседневной жизни. Тех, чье политическое мировоззрение не было удобно власти, арестовывали».

Наоми прислушивалась к разговору двух учениц.

«Если бы я жила в то время, то должна была бы перекраситься в блондинку. Мама сказала мне, что опасно было быть брюнеткой». «Так что, меня бы убили, если я шатенка. Жаль, что я тогда не жила. Мне очень нравится быть блондинкой».

Кровь бросилась в голову Наоми. Значит, есть немцы, которые воспринимают Катастрофу через цвет волос! И ни одно слово не было сказано учителями о евреях. А она видит матерей с детьми, газовые камеры и крематории. Нет Израиля рядом, чтобы он обхватил ее голову и унял дрожь. Она несчастна.

3.10.60

Дорогой мой.

Посетила Дахау. Все там, как было. Только насадили деревья и дорожки посыпали мелким углем, идешь по ним, кажется, ступаешь по праху мертвецов. Я плакала как ребенок. Два американских священника пытались меня успокоить. Думали, что вся моя семья здесь была уничтожена. А разве это не так? Только побывав здесь, можно понять весь ужас Катастрофы. Кажется мне, что из моей души никогда не выветрится печаль этого места. Облака, как пепел, кажется, навечно повисли над этим местом. Я не хожу есть в столовую, не могу сидеть рядом с немцами. Покупаю продукты на улице и ем в номере гостиницы. Здесь воздух пропитан убийством.

Доброй ночи,

Твоя Наоми

Нюрнберг. После ночи, проведенной в роскошной гостинице, Наоми переехала в дешевый пансион, дабы поближе познакомиться с немцами. Хозяйка пансиона, очень полная женщина, провела ее в узкую захламленную комнату. Все ночи Наоми кусали клопы, и она, молча, это переносила. У хозяйки восемь детей, у девочек косички аккуратно заплетены, поверх платьиц – фартуки, мальчики бриты наголо, в широких черных штанах до колен. Хозяйка прижимает к широкой груди буханку хлеба, нарезая его ломтями. Каждый ребенок получает ломоть, ничем не намазанный, на завтрак в школе. Шум и суета замолкают с уходом детей.

«Вы помните шествия с факелами нацистов к замку Барбароссы?» – спрашивает Наоми хозяйку.

«О, это было великое время, великая эпоха», – восторгается хозяйка теми чудесными днями.

Наоми гуляет по улицам города и думает о том, что нацизм вовсе не был политикой. Еврей не мог этого понять, только немец. В центре города, самом позорном месте истории Германии, торчит высокое деревянное сооружение, специально возведенное к факельному шествию нацистов. Наоми поднимается по деревянным светло-коричневым ступеням. Отсюда вещал вождь Третьего Рейха, и до сих это вспоминают, как апофеоз национальной гордости. На этой сцене посетители с благоговением шевелят губами: «Здесь стоял Гитлер. Отсюда он воспламенял сердца масс».

Она видит, как маршируют шеренги людей, перепоясанных вдоль и поперек ремнями. Стучат сапоги. Хитро прищуренные щели глаз.

«Почему вы не уничтожаете эту трибуну?» – пытается она разговорить прохожих. Те бросают мимолетный взгляд на странную женщину, и ускоряют шаг.

«Это обойдется очень дорого». Один из прохожих откликается. Холодное отчуждение проходящих немцев не останавливает ее. Она найдет кого-то, кто согласится ответить ей на вопросы, касающиеся нацистского факельного шествия и речи Гитлера.

«Ты еврейка? – останавливается перед ней пожилой худой человек. – Ты хочешь очернить Гитлера. Он был великим вождем!»

«Так оно и есть, – подлаживается к нему Наоми, – Я не собираюсь его очернить».

Он соглашается зайти с ней в столовую. Она заказывает две порции свинины, стараясь убедить нациста, что она не еврейка. Она откусывает кусочек мяса и говорит, что у нее нет аппетита.

«Значит, ты знаешь, что Гитлер был хорошим человеком, и это вранье, что он убивал евреев. Американцы это придумали, чтобы овладеть Германией». Незнакомец ест и пьет, и вспоминает о великих днях. А незажившие раны не дают ей дышать. В гостинице она записывает всё, что ей наговорили жители Нюрнберга, и печаль не отступает от ее души.

Она посещает один магазин за другим и спрашивает продавцов, видели ли они факельное шествие. «Конечно, еще бы», – отвечают они, глаза их горят. Продавцы рассказывает об эйфории, охватившей их при виде незабываемого зрелища. Свет не горел ни в одном окне. Все жители вышли лицезреть это великое событие.

Был хотя бы один противник этого шествия? Она вспоминает Шпаца, художника из Нюрнберга, товарища ее сестер. Где были его родители? Скорее всего, среди зрителей факельного шествия.

Не поддавайся иллюзии, что Германия изменилась, думает она про себя. Жители Нюрнберга смотрели на шествие, как на Евангелие от Гитлера. Они вышли на улицы увидеть Гитлера, возвышающегося на древних стенах живой легендой о короле Барбароссе. Согласно народной легенде, Барбаросса вообще не умирал. В замке он спит тысячу лет. Только с возрождением Германии, он проснется к новой жизни. И она опять видит Гитлера на стенах города Нюрнберга Гордо, без всякого зазрения совести рассказывают очевидцы. Даже нищие не скрывают тоску по тогдашнему расцвету Германии. Жители Нюрнберга проклинают англичан, последними словами ругают французов. Глаза жителей Нюрнберга наполняются ненавистью при упоминании русских.

«Я прятала мою шестнадцатилетнюю дочь от русских насильников», – говорит одна женщина о катастрофе, которая охватила город с приходом русской армии. И ни полслова об изнасиловании русских женщин немецкими солдатами в их победном марше по России.

«Но мы заплатили за это. Бомбили нас. Так хватит, хватит!» – впадает в истерику одна из женщин.

Наоми наступает на больную мозоль – на исторические события, на ненавистный ей, но живучий дух нацизма к Она покупает дочке куклу и пластилин. Купила красивое пальто, но его украли из ее номера в пансионе. Покупки успокаивают ее нервы.

Она ходит из церкви в церковь, подолгу рассматривает святых, выступающих барельефами из камня, выписанных красками на картинах, отчеканенных в бронзе, высеченных в дереве. Но ни в одной из церквей Нюрнберга она не находя святости. Лики святых уродливы и грубы.

Люди замечают невысокую молодую женщину, проходящую улицу за улицей. Она ощущает опасность, но погружение в историю города и его жителей преодолевает страх. Ее преследует ощущение, что она что-то пропустила, чего-то недоглядела, так и не поняв, как вольный город Нюрнберг пошел в рабство к диктатору. Он все более убеждается в том, что

Германия потеряна. За свои преступления она будет преследоваться вечно. Скверна ее будет возникать каждый раз в другой форме, в новых одеждах. Продавший хотя один раз душу свою дьяволу, навек не отмоется.

Она переезжает во Франкфурт.

Здесь ее ждет сердечная встреча. Доктор Готфрид Бергман-Фишер, хозяин известного издательства «Фишер», предлагает ей задержаться во Франкфурте. Он готов выделить лучшего редактора. Но личные ее дела не дают ей возможности воспользоваться столь щедрым предложением. Она не может заняться переводом романа «Саул и Иоанна» на немецкий язык.

Один из компаньонов Бумбы угрожает ему и ей, если они не рассчитаются с долгом. С помощью Шимона Адана она спрятала брата в Берлине до его отлета в Израиль. Она занята спасением брата и не может выполнить договор об издании романа в Германии.

Следующее место ее странствия – город Кёльн на северо-западе Германии.

Ее встречает доктор социологии Синаар, исследующая факторы, благодаря которым Гитлер пришел к власти. Она родилась в Германии, но живет в США.

Из Кёльна она едет в Оффенбах, родной город, дочери основателя секты франкистов Хавы Франк. Дом ее превращен в музей. С трудом Наоми отводит взгляд от лица Хавы Франк на медальоне из слоновой кости, осматривает мебель это неуемной женщины, рассматривает ее счета. И слышится ей голос Залмана Шазара:

«Иудейство прошло через многие потрясения и победило. Иудаизм вечен».

Залман Шазар продолжает изучать историю Якова Франка и франкистов.

«Их идеи были позитивны и реальны. Их идеал родился из тоски по Израилю. Но идеал этот переродился и обрел уродливую форму. Они, как бы, сбились с дороги, и пришли туда, куда пришли».

10.10.60

Дорогой мой.

В Кёльне ожидала меня неприятная неожиданность. Многие письма, которые прибыли для меня сюда из Рима, были отосланы обратно, и судьба их неизвестна. Доктора Синаар не было в Кёльне, и секретарша ее не знала, что делать с этими письмами.

Теперь шли мне письма в Берлин. Послезавтра я уезжаю туда.

В Мюнхене мне было нелегко. Никак не могла прийти в себя после травмы от посещения Дахау. Хотя немцы насадили в этом аду много деревьев, но они только усилили ужас этого места. У входа в лагерь высится бронзовая статуя заключенного на мраморном пьедестале. На нем высечена надпись: «Честь мертвым и предупреждение живым». При входе в музей опять надпись огромными буквами: «Никогда такое не повторится!» В музее много документов, писем, фотографий, подпольных газет, которые выпускали заключенные, их рваная и покрытая пятами крови одежда, кнуты, которыми их избивали, и орудия пыток. Закрываешь глаза, и все кажется страшным сном. Не верится, что это было в действительности. Отсюда дорога ведет прямо в газовые камеры и крематории. Человеческое воображение не в силах себе это представить. Кто это увидел, не забудет этого никогда. В парке большие братские могилы, на одних – маген Давид, на других – крест. Под высокими старыми деревьями – глубокие траншеи, и весьма простое объяснение их предназначения. Здесь нацисты убивали евреев выстрелом в затылок, и кровь скапливалась в этих траншеях. За все это время траншеи заросли травой, и осенний ветер шуршит в облетевших и пожелтевших листьях. Я же слышала там плач и вопли сотен тысяч, и шорох листьев, как шепот мертвых, и стояла там, онемев, близкая к обмороку. Это посещение ввело меня в очень сложное душевное состояние, и есть насущная необходимость вернуться в нормаль-

ное состояние, и взвесить более объективно все, что я видела и слышала там. Мюнхен, первый город, в который я приехала, весьма несимпатичный. Повезло мне: приехала туда во время осенних праздников, называемых «октобер-фест». Массы людей забили улицы, множество буйных пьяных мужиков. Запах пива и сосисок заполнял всю атмосферу. Ощущение было, что я попала в нескончаемое стадо варваров. Гитлер отлично знал, почему выбрал именно Баварию и Мюнхен первичным полем своей деятельности. Это самая худшая и дикая часть Германии.

Из Мюнхена я поехала в Нюрнберг. Здесь находилась полтора дня, посещая почти бегом церкви, дома, замки, а, завершив этот бег, начала его сначала, и весьма этим наслаждалась. Ведь религия была тоже мировоззрением, как любое другое. Как она сумела вдохновить человека на такие великие произведения искусства. Художники Адам Крафт, Вейт Штос, Альбрехт Дюрер спустили Бога на землю. Они дали ему образ страдающего человека, с редкими минутами радости, наслаждения, зависти, не пропустив ни одного чувства, присущего человеку, и все это – в обликах Бога, святых, ангелов и мадонн. Они сделали невозможное, дав им вечность, мгновения религиозного экстаза, но, при этом, изобразив их земными существами со всеми их чувствами добра и зла. Помнишь, однажды мы сидели в нашей комнате, в Бейт Альфа, я, ты и Натан Шахам. И ты задал этот вопрос. Как произведение искусства покупает вечность. Вот, я и нашла ответ в произведениях великих художников Нюрнберга. И рядом с этим видела дом Гитлера и народ, который, живя в тени этих прекрасных сокровищниц искусства в церквах, этих гуманных произведений живописи, пошел за преступниками, и даже искусство не сохранило и не спасло человека от страшного унижения. Видишь, я не могу побывать в любом месте без того, чтобы не свести со всеми один и единственный счет.

Из Нюрнберга я улетела во Франкфурт. Пошла в издательство «Фишер» и была там принята с большой сердечностью. Мы говорили о «Сауле и Иоанне». Если я обещаю ему, сказал он, что книга на немецком языке будет распространена в Израиле, он тут же подписывает со мной договор. Он хочет издать книгу об Израиле. Договорились, что я вышлю ему главы, написанные мной по-немецки из второго тома, а также об еще одной встрече. Он уезжал в Италию и должен был вернуться во Франкфурт в октябре. Кажется мне, что мы расстались дружески. Он дал мне в сопровождение одного их своих ответственных редакторов, чтобы тот исполнял все мои просьбы, и дал мне из библиотеки издательства все книги с документами о нацистском режиме, интересную книгу сына Томаса Манна – Голо Манна, книгу об истории Германии с 1918 по 1945 годы. Редактор уделил мне целый день, гуляя по Франкфурту, показывая мне город. Большую радость принесло мне посещение дома Гёте. Но, главное, я встречалась с молодыми немцами, – писателями и интеллектуалами. Они меня чудесно приняли, и между нами состоялась интересная беседа. Это молодое поколение совсем иной закваски, весьма серьезное. Несет на себя весь тяжкий груз прошлого, и не пытается от него откреститься, несмотря на то, что они, несомненно, не были ответственны за все, что происходило в сороковые годы. Они ищут пути в будущее, но резко отвергают диктаторский режим, каким бы он ни был. Меня заинтересовало их мнение о Бен Гурионе. Все они настроены в пользу Израиля, высоко оценивают наше государство, но отвергают власть Бен Гуриона, ибо, по их мнению, в ней явно проглядывают диктаторские нотки, резко выступают против выборов по округам и военного режима. Ты и представить себе не можешь, с каким напряжением следят эти немцы за тем, что происходит в Израиле. Но еще более интересной была встреча с молодой еврейкой, доктором социологии, написавшей книгу о факторах, приведших к власти Гитлера. Она родилась в Германии, но росла в США. Вернулась сюда, чтобы изучить общественные явления, из которых вырос фашизм. Женщина в высшей степени интеллигентная, нестандартно мыслящая, осторожная в оценках. Мы проговорили много часов. Я услышала от нее весьма

важные и интересные вещи. Также и о роли церкви в те годы. Я не сказала ей откровенно о шоке, который испытала здесь, в Германии. Она помогла мне немного освободиться от напряжения, так, что в Кёльн я приехала в лучшем настроении. Здесь жители более симпатичные, весьма похожи на французов, с их веселым характером и чувством юмора. Здесь, в Кёльне, было самое сильное движение сопротивления нацистам. И, действительно, только здесь я, наконец, освободилась от атмосферы, пропитанной запахом пива и сосисок.

Забыла тебе написать. Я стала здесь вегетарианкой в знак протеста всему этому обжорству. Также забыла тебе сказать, что во Франкфурте встретила Ури Таля из Иерусалима. Помнишь его? Вообще, встреча двух израильтян здесь всегда радостна. Ури получил финансовую поддержку для учебы от фонда Анны Франк.

Встретили меня в Кёльне сердечно. Но, главное, это твое письмо. Я очень истосковалась по тебе и детям, и вообще слишком надолго затянулось мое странствие на чужбине. В Берлине я, наконец, начну свою работу. Собрала много материала, и для моего творчества очень важно это мое странствие, и все наши с тобой страдания были не зря. Получили ли вы то, что я послала? Как была принята кукла? Дити я купила чудесные игры. Пошлю их с Бумбой.

Дорогой мой, тоска по тебе сводит меня с ума. Всё, о чем мы переговорили, сопровождает меня все время. Здесь я возвращаюсь к пониманию твоей борьбы за истинный облик человека, и к давнему моему замыслу – написать книгу о мире, чья физиономия такова, какая есть, и в этом мире тысячи тысяч живут по-другому, с иным мировоззрением, иным уровнем человечности. И ведет меня твоя мудрость, деликатность, логичность, Это моя охранная грамота.

Обнимаю тебя с любовью,
Твоя Наоми

10.10.60
Гиват Хавива
Дорогая моя Наоми

Сегодня пришло твое письмо с описанием Дахау, и открытка из Нюрнберга.

Естественно, ты устала после всех впечатлений и переживаний. Твое путешествие в течение трех первых недель действительно впечатляет. Как ты успеваешь все это охватить? Я все еще не знаю, как ты живешь, достаточно ли у тебя денег, достаточно ли ты отдыхаешь. Ты написала о подарках, о часах, которые купила мне в Швейцарии. Не транжиришь ли ты много денег, которые будут необходимы тебе позже. Конечно же, я беспокоюсь, но пока вижу, что ты отлично устраиваешься.

История с Бумбой. Если она закончится, как ты об этом пишешь, возвращением его в Израиль – это будет одна из самых важных твоих операций.

Кончились праздники, и я надеюсь, что теперь смогу упорядочить все мои работы. Девочки возились с малышкой, помогали мне, но и мешали. Ты же знаешь, возня с ними берет больше времени, чем их помощь.

Сегодня мы снова скакали на деревянном коньке к маме в Германию. Но вернемся к злобе дня. Дело Лавона продолжает будоражить всю страну. Просто трудно поверить, что такое творится у нас. В этой еще такой молодой стране. Главный обвиняемый – Шимон Перес. Обвиняют его в подделке документов с целью подставить министра обороны Лавона, который занимал этот пост пять лет назад. Неизвестно, в какой степени Перес замешан в этом деле. Ясно одно, что действовал он подпольно с целью убрать с поста Лавона. Такова ситуация, в которой трудно отделить правду ото лжи. Ясно лишь одно: дело серьезное. И оно очерняет верхушку рабочей партии МАПАЙ и, главным образом, молодежь, приближенную Бен Гурионом и обслуживающую его. Бен Гурион открыто встал

на защиту Шимона Переса, и это понятно: обвиняя служку, косвенно обвиняют хозяина. Создана комиссия по проверке, которую возглавляет Хаим Коэн. Какие бы ни были результаты проверки, компания «молодой поросли Бен Гуриона» не выйдет сухой из воды, как и сам он. Конечно же, он сильнее своих противников, но победа его будет аморальной. Так или иначе, дело это подорвет авторитет и моральный престиж правящей партии.

Каковы мои прогнозы. Выборы по округам под эгидой Бен Гуриона провалились. Не будут ни в этой, ни в следующей каденции, ибо эта шайка, дела которой сейчас выходят на свет, не действовала только против министра обороны, который ей не нравится и, по ее мнению, лишен талантов. В результате – власть военных над парламентом. Чиновники решают, кто будет министром, а не Кнессет или, хотя бы, партия. Отсюда открыт путь к диктатуре. Отсюда возникает подозрение, что Бен Гуриону вообще не нужны выборы по округам для укрепления его единоличной власти. Ожидать можно всего, быть может, небольшой военной авантюры. Несомненно, будут потрясения. Все ждут свидетельства Моше Шарета. Этот джентльмен способен увести от истины, слегка исказив правду во имя единства и величия партии, правительства и легендарного главы премьер-министра Бен Гуриона.

Вечером мне звонила Лотшин. Получила твои письма. Только во вторник она получит ответ относительно санатория, куда собирается поехать.

Я же много размышляю о Германии и немцах. Речь идет о подчинении приказу, о личной ответственности. Это приводит к Эйхманам. Сейчас есть много обнадеживающих свидетельств, что молодое поколение, которое называют «поколением эспрессо», не очень подчиняется лидерам с целью – услужливостью пробиться наверх, к власти.

В газетах публикуют дискуссию между Моше Шамиром и Бен Гурионом. Последний заявил, что не читает художественную литературу. Спор этот напоминает диспут в СССР между «физиками и лириками» – кто более важен и необходим.

Все твои друзья просят передать тебе привет.

С любовью, Израиль.

Глава пятнадцатая

Наоми постоянно встречает проявления чувства вины немцев за содеянное их народом. Мюнхенский адвокат недоумевает: как израильтяне могут после случившегося иметь дела с немцами. Водитель такси сказал ей, что он хотел бы поехать в Израиль, но не решается появиться среди евреев. Он был ужасно удивлен, когда она сказала ему, что в Израиле не обвиняют немцев. «Этого я не могу понять, – потрясенно сказал он, – следует обвинить всех нас. Разве это не ясно?»

И вот она прилетает в Берлин.

«Ты Бертель?»

Старик лет семидесяти, с трудом передвигающий ноги, останавливает ее. Зелло, дальний родственник деда, протягивает ей дрожащую руку, в глазах его стоят слезы. Два месяца назад она послало ему письмо из Израиля. Из лагеря смерти Аушвиц, где он убирал трупы евреев, которых задушили в газовых камерах, он вышел инвалидом. Жена его Ирма и двое сыновей, из которых старший был в возрасте Наоми, а младший – в возрасте Бумбы, погибли в Аушвице. Перед встречей с Зелло, возникла в ее памяти семейная фотография верных законопослушных немецких граждан: Ирма сидит возле стола в тихой аккуратно прибранной комнате и шьет. Дети всегда чисто одеты и хорошо воспитаны. Семья владела магазином женской одежды. Дед всегда покупал у них сумки и одежду для внуков.

«Это от Руфи», – дядя Зелло протягивает ей телеграмму от старшей сестры. Глаза ее не отрываются от его мертвого взгляда разбитого человека. Она с трудом читает телеграмму от Руфи.

«Дядя Зелло, завтра она прилетает из Аргентины. Мы не виделись более двадцати трех лет».

Водитель останавливает такси около здания, в прошлом респектабельной еврейской больницы, известной своими великолепными врачами и обслуживанием. Немцы рвались в эту больницу. Хронические больные из Палестины лечились в отделениях этой больницы, благодаря финансовой поддержке еврейской общины Германии. После войны власти вернули это здание общине в качестве многоквартирного дома. Старики, с трудом передвигающее ноги, напомнили Наоми, что здесь лечился ее отец. Дверь квартиры раскрылась, и простая добросердечная немка пригласила войти. Вторая жена дяди, младше его на двадцать лет, из кожи вон лезет, чтобы понравиться еврейке из Израиля. Угощает пирогами и кофе, рассказывает свою трогательную историю. Она оставила хорошо оплачиваемую работу на фабрике по пошиву рубах, и пошла учиться в школу медсестер, чтобы помогать больным и страдающим людям. Как сестра милосердия, отдавала всю себя самым униженным и несчастным людям. К дяде Зелло, который был доставлен прямо из Аушвица в больницу, где она работала, она отнеслась с особой теплотой. Когда он был освобожден из больницы, и отчаянно нуждался в помощи, она привезла его домой и накормила.

Наоми удивлена. Этот рассказ почти в точности совпадает с историей, описываемой ею. Клотильда Буш в четырнадцатилетнем возрасте сбежала из сиротского дома и стала «королевой переулков» Берлина. Не знала никакой нужды благодаря мужчинам, с которыми «крутила» любовь. В дни Первой мировой войны она оказалась на фронте в качестве сестры милосердия, ухаживая за ранеными. После окончания войны она поселилась в огромном берлинском подвале с множеством комнат, превратив его в приют для всех несчастных, инвалидов, калек, выброшенных жизнью. Ее сердце не знало пределов милосердия. Наоми с подозрением изучает женщину, связавшую свою судьбу со стариком, обиженным судьбой. Интуиция подсказывает Наоми, что речь идет о выгоде. В голодные годы после окончания войны еврей, который остался живым после Катастрофы, дает кров и пищу бывшей

нацистке. Американское еврейство помогает продуктами и деньгами жертвам нацизма, вдобавок к солидной помощи со стороны германских властей.

«Там, в аду Аушвица я поклялся себе, если останусь в живых, стану набожным евреем. Об этом я думал, волоча трупы в крематории», – говорит Зелло, еврей, который не хотел быть евреем. После войны он не ограничивался тем, что вел жизнь религиозного еврея, а помогал восстанавливать синагоги, разрушенные в Хрустальную ночь. С упорством и большими усилиями собирал миньян – десять евреев для молитвы. Открыл в своем жилом квартале маленькую синагогу. Зелло не мог себе простить греха: насмешек над теми, кто был напуган приходом Гитлера к власти. Ведь его друг прорицатель Хануссен, еврей, пророчивший Гитлеру невероятный успех, говорил, что нацистский режим нуждается в евреях, так что настанет день, и нацизм приведет евреев к расцвету. Перед выходом из квартиры, которую Наоми сняла рядом с дядей, он подарил ей желтый магендавид который он носил в Аушвице.

Наоми хочет прогуляться по коммунистической части города. Хозяйка с радостью предлагает в проводники свою мать.

«В коммунистическом Берлине люди голодают. Каждый день я готовлю пакет с бутербродами для моей старой матери, которая продолжает жить в восточной части».

Наоми с опаской идет по улицам «коммунистической» части родного города. Она вздрагивает от каждой проезжающей мимо милицейской машины. А ее провожатая орет в сторону колонн мужчин в военной форме: «Они не коммунисты, они как нацисты! Я не позволю им отобрать у меня мое мировоззрение!»

Веддинг в двадцатые годы был пролетарским районом. Теперь он выглядит городом-призраком. Жители оставили его и бежали от Гитлера в бараки на окраине города. С того времени «красный» Веддинг пуст. Знаменитый квартал пролетариата безмолвствует, но не в памяти Наоми. Тут она гуляла с товарищами по молодежному еврейскому движению, в эту почву ложились семена, в которых до времени скрывались ростки ее книг.

Город изменился. Нищие кварталы стерты с лица земли, как стерты грани между классами. Профессор живет рядом с рабочим, пролетарий – рядом с инженером. Она возвращается на съемную квартиру с грудой коммунистической литературы, подтверждающей её и Израиля тезис: нацизм стерт, как политическая партия, но продолжает существовать под одеждой современного коммунизма.

А что происходит в еврейском государстве? В каждом своем письме Израиль дает отчет о новостях израильской политики.

15–16.10.60

Гиват Хавива

Сенсация догоняет сенсацию. Вчера сообщили о смерти раввина Толедано. Похоже, журналисты ускорили его кончину. Умер он в глубокой старости, хотя собирался начать новую жизнь. В эти дни всякие явления в жизни имеют политическую окраску, поэтому даже уход раввина Толедано из жизни дает Бен-Гуриону карты в руки, чтобы отыграть свое в министерстве религий.

Сегодня у нас сладкий день: получили две увесистые плитки шоколада, которые ты прислала из Швейцарии. Также получена коробка конфет от моей идишистской писательницы Хаи Эльбаум.

Дочь твоя Дити явилась к нам в 8 часов утра босиком, в разодранной майке. Сбежала из круглосуточного детского сада. С трудом убедил ее вернуться и отвел ее сам туда. "Мне там очень скучно» – сказала она. Очень выросла и повзрослела за время твоего отсутствия. Она очень щедра: цветные открытки, которые ты ей посылаешь, дарит детям. Говорит: у меня их достаточно.

Понимаю, что ты шокирована первой встречей с Германией. До сих пор не встречал человека, получившего такой шок. Это знак, что твоя душа вбирает гораздо больше и интенсивнее, чем обычный человек.

Сегодня получил твое письмо из Берлина. Должен признаться, что твои письма читаются точно так же, как твои романы. Какое обилие событий, какие неожиданные встречи. По сравнению с этим, письма мои скудны. Не о чем рассказывать, разве лишь о политике, и ее неожиданных поворотах в нашей маленькой стране, которые особенно шумны в последние дни. Первым делом – дело Лавона. Каждый день в нем возникает что-то новое. Столкновения между Лавоном и Бен-Гурионом все более усиливаются.

Вчера у малышки со мной был чудесный день. Она сама – чудная. Я склонен согласиться с тобой, что девочка эта необычная: талантлива в детском своем мышлении. Удивляет меня своей уравновешенностью и внутренним спокойствием. Очень помогают твои цветные картинки.

Жду с нетерпением продолжения твоих рассказов. Успеваешь ли ты что-то писать, кроме писем?

Ты отсутствуешь целый месяц. Я уже жду твоего возвращения. Здоровье мое в порядке. Только вот хамсины не прекращаются.

С любовью, твой Израиль

Гнойные раны открываются на ее теле. Никакие мази не помогаю. Физическое и душевное состояние ее плохое, но она сделает всё, для чего приехала в Европу. В центре Берлина она ищет следы одноклассницы Герды. Их магазин тканей стал лавкой по продаже шоколада. Наоми пыталась узнать о судьбе предыдущих владельцев. Новый хозяин пожал плечами, сказал, что нашел магазин разрушенным и опустошенным. Куски тканей были разбросаны. Она пошла к дому, в котором жила Герда с матерью, стучала в двери соседских квартир, спрашивала о двух еврейках, живших в этом доме. Ей сухо отвечали, что нацисты их забрали. Она бродит по улицам, вспоминая высокомерие Герды, иллюзии ее матери. С каким восторгом те отзывались о соседях нацистах! Она видит, как Герда, в бессилии, голодная, падает с ног от каторжной работы в лагере смерти, или ловит воздух в газовой камере Аушвица, или погибает от пули палача. А может быть, ее убил любовник-нацист из страха, что она его выдаст.

18.10.60
Берлин
Мой дорогой!

Что случилось? Я не получаю писем от тебя. Немедленно напиши. Я ничем не могу заниматься, только ожидаю почту. Написала тебе много писем. Получил ли ты их?

Что делает малышка? У нас много неприятностей с Бумбой. Старшая моя сестренка Руфь приехала в Берлин. Обе мы были рады встрече. Оставила ее молодой, красивой, веселой, а нашла старую женщину с разрушенным здоровьем, абсолютно разбитой. Жизнь у нее была трудной. Все так печально. И от тебя нет писем.

Пиши!
С любовью,
Твоя Наоми

Невероятный скандал разгорается на приеме, который устроил в честь Наоми глава еврейской общины. Она теряет терпение, забывает правила вежливости, все мосты между нею и евреями Берлина сжигаются. Почему она не может себя сдержать? Еврейские беженцы, среди которых и сестра ее Руфь, возвращаются в Мюнхен или в западный Берлин.

Это угнетает Наоми. Но глава общины встречает ее с гордо поднятой головой, и рассказывает о новой жизни евреев в Германии после войны. Она же не знает, как смотреть ему в глаза. Душа ее не находит себе места.

«Я должна себя сдержать, чтобы не дать вам пощечину!» – ее глаза мечут молнии.

«Какая наглость, какое вы имеете право так говорить?» – лицо главы общины каменеет.

«Уважаемый господин, вы покинули Тель-Авив и вернулись в страну, которая вышвырнула вас? И вы в своей речи смеете говорить о проблемах государства Израиль! Почему вы лжете себе и общине?! Евреи пользуются большим почетом в современной Германии?! И это все, что вы можете сказать после Катастрофы. И если недостаточно вам было уроков Катастрофы, чтобы сделать выводы для будущих поколений, так вы еще пытаетесь убедить всех нас, что в Германии нет антисемитизма?!»

Глава общины кипит и переходит на крик:

«Вы что думаете, что убьете меня, как арабов?!»

«Зачем вы продолжаете врать! Стыдитесь, сотни лет не ступала нога евреев Испании на земли, с которых его изгнала инквизиция, а сотни тысяч евреев Германии полны тоски по обществу, которое ответственно за убийства их семейств и уничтожение их народа».

Женщина просит понять их. В разгар войны она сумела сбежать с сыном в Америку. Муж и трое детей погибли в Катастрофе. Так почему же она вернулась в страну, ответственную за это?

«Поймите, госпожа, – пытается она смягчить израильтянку, – немцы дают нам репарации».

Наоми не верит своим ушам.

«Извините», – у Наоми прерывается дыхание, и она выходит на улицу.

Они стыдятся сказать правду, которую она услышала от Бумбы. Они боятся признаться в том, что любят пейзажи своего детства и немецкую культуру. Ностальгия возвращает их со всех краев света. Нет выздоровления от еврейской болезни – привязанности к дому детства. Она берет свою сумку и спускается по ступеням, убегая от угнетающей ее памяти.

Эти улицы запомнились ей первомайскими демонстрациями, алыми флагами и лозунгами. На улицах восточного Берлина прорываются наружу спрятанные в потаенных уголках памяти сцены: знакомые магазины, газеты, которые она читала, вкус квашеной капусты и кокосовых цветных конфет, за которыми бежала, экономя деньги на трамваи. К центральной площади города Александерплац сбегаются со всех сторон улицы и переулки, и ветер насвистывает между зданиями точно так же, как в прошлом. Она присела на скамейку в сквере и слышит, как и прежде, гудки автобусов, звон трамваев, шаги прохожих… Это ведь не просто скамейка. На ней зарделись ее щеки от первого неожиданного поцелуя, захватившего ее врасплох. Дони уже готовился к отъезду в Палестину. Он признался ей в любви и тут же набросился с поцелуями. «Ты все испортил», – испуганно оттолкнула она его от себя и убежала. Она скрывает от Израиля то, что случилось на этой скамье…

Она долго отдыхает на скамье, предаваясь воспоминаниям. Затем отправляется на прогулку по Майнигштрассе, тихой улочке, полной бородатыми евреями в кипах и евреями бритыми, без головных уборов. До войны они приходили сюда, в дом еврейской общины. Евреи шли сюда справляться по различным вопросам религии, налогов, разводов и женитьбы, похорон и обрезания. С усилением нацистов евреи выстраивались в длинные очереди в поисках работы, за советом и юридической помощью в связи с увольнениями. Теперь она старается посетить все уголки и подворотни. Она даже заходит в публичный дом Карлы Миллер. Владельцы дома сменились, но как принято в Германии, имя первой хозяйки сохраняется.

Наоми останавливается около парикмахерской.

Кажется, что почти ничего не изменилось с того дня, когда она зашла сюда одна.

«А мама тебе разрешила?» – спросил парикмахер, когда она попросила его отрезать косы.

«Конечно», – солгала она, и сердце билось в груди.

Ведь отец просил ее оставить косы в память о покойной матери. Но ей так хотелось не отставать от своих коротко постриженных подружек!

«Жаба! «– крикнула Фрида, увидев ее.

«Фуй», – закричал Бумба.

Гейнц посмотрел на ее стрижку и сказал с грустью, что она не должна была это делать. Дед и близнецы тоже рассердились, но, главным образом, на неряшливость парикмахера.

Вернувшись домой, она продолжает работать над вторым томом романа.

– То, что ты вчера сделала, Иоанна, – говорит господин Леви, – достойно похвалы. Он хмуро смотрит на ее волосы. – То, что ты сегодня сделала…

– Вчера, отец, – отвечает Иоанна придушенным голосом, сидя в кресле напротив отца, с глазами, красными от слез, – вчера умерла «воронья принцесса», из-за этого я не пошла в поход с товарищами по Движению. Но сегодня я должна была отрезать косы. Вправду, отец, должна была!

Отец молчит, и молчание его, как всегда тяжелей любого выговора. Оголенные ветви дерева стучат в окно, как пальцы отца по креслу, и только мать смотрит с портрета на стене проницательным пристальным взглядом.

– Почему ты это сделала, Иоанна? Зачем? – спрашивает отец и вынимает из кармана записку, которую Иоанна положила вчера рядом с восковой розой для Бумбы. – Неужели твои отношения с семьей изменились до такой степени?

– Бумба – доносчик, отец, – вскакивает Иоанна, лицо ее краснеет.

– Верно, детка, это некрасиво, но не это важно в данный момент. Детка, сиди спокойно в кресле, и объясни мне необходимость того, что ты сделала.

– В моем Движении, отец, меня доводили из-за моих косичек.

– Доводили? – искренне удивляется господин Леви.

– Да отец, они причиняют мне много неприятностей… Но, отец, я сама виновата. Я все еще недостаточно дружественна, я еще не как все. Меня в подразделении сильно критикуют.

– Что это значит – «я не как все»? Какие они – «все»?

– В том-то и дело, что я сама точно не знаю, что это значит. Отец, из-за этого все мои беды», – Иоанна опускает голову, – мнение мое точно такое же, как у всех моих товарищей по Движению, я верю в цели Движения, делаю то же, что все остальные, и при этом все говорят мне, что я не как все. – В голосе ее такая печаль, что господин Леви встает с кресла, подходит к несчастной свой дочери и гладит ее по голове.

– Что тебя тянет в твое Движение? Может быть, ты им не подходишь, может, стоит отказаться от него?

– Нет, нет, отец, там все так здорово и красиво.

– Но ты же говоришь, что они досаждают тебе, Иоанна.

– Досаждают, но это неважно. Я сама во всем виновата. Движение, отец, это как дом, как теплое гнездо. И цели наши прекрасны. Они снятся мне по ночам. Ты бы должен услышать, отец, как нам рассказывают о Палестине, читают у костра легенду о бунте сына. Это так вдохновляет, отец!

– Легенда о бунте сына? Я бы действительно хотел ее услышать.

– Я могу тебе ее рассказать, отец. Я знаю ее наизусть. И не ожидая ответа, Иоанна начинает декламировать:

«И был день, и я, сын, взбунтовался против отца и матери! Я, сын, восстал против легенд отца и матери, против их законов. Хотел я создать собственную легенду. Эй, эй, эй,

сын мой, не слушай отца о морали его, не внимай ухом законам матери, ибо мораль отца сомнительна, да и матери – то же самое! Эй, эй, эй, не слушай…»

Испуганный Бумба, который все время стоял за дверью кабинета отца и, прижав ухо к отверстию замка, прислушивался к разговору, в надежде узнать точно, что «получит» Иоанна от отца, бежит к Фриде.

– Фрида, слушай! Что она там говорит? Все время кричит – эй, эй, эй! Не слушай, не слушай! А отец молчит и ничего ей не отвечает.

– Да что он ей ответит? – вскакивает Фрида. – Даже он не выдерживает сумасшествия девочки. – И она бежит к Гейнцу в комнату жаловаться.

– Скажи мне, детка моя, – склоняет голову улыбающийся отец, – что во мне такого плохого, что ты хочешь восстать против меня?

Иоанна мгновенно прекращает декламацию, изумленным взглядом смотрит на отца и краснеет. Что она снова сделала? Может ли она сказать отцу что-то плохое, больному отцу, которого нельзя волновать? Но отец вовсе не выглядит человеком, которому причинили боль. Столько доброты в его взгляде и на лице, склонившемся над Иоанной, которая вглядывается в него, как будто она видит его в первый раз. Впервые видит она отца таким красивым, выпрямившимся во весь свой рост, с таким добрым взглядом.

– Отец, – шепчет она взволнованно, – отец, в тебе нет ничего плохого. Конечно же, нет.

– Так почему же ты призываешь к бунту против меня? И так решительно?

– А-а, это не против тебя, отец. Вправду, нет. Это против всего здесь. Против всех вместе.

– Против! – смеется отец. – В твоем возрасте надо быть против, Иоанна, это хорошо и чудесно. Но в меру. Ты же знаешь, что все должно быть в меру. Кто это сказал?

– Это один из главных принципов эллинского мира, – отвечает Иоанна.

– Именно, – радуется господин Леви хорошему образованию дочери. – Иоанна, через месяц у тебя день рождения, не так ли? Какая у тебя просьба ко мне к этому дню? Ведь тебе исполнится двенадцать лет.

– У меня большая просьба к тебе, отец. Сейчас пришла мне в голову. Погуляй со мной под дождем. Я всегда гуляю в одиночку под дождем, и тогда приходят мне в голову столько мыслей. Под дождем я смогу объяснить тебе еще много важных вещей.

Фрида не давала отцу гулять с маленькой дочкой в холодную погоду. Где теперь Фрида? Наоми пытается найти ее следы. Веки сами слипаются от усталости, но мысли четки и ясны. Завтра у нее встреча с сестрой Руфью. У Руфи превосходная память. Она освежит детские воспоминания Наоми, напомнит рассказы деда, вернет ей прошлое.

Фурункулы на ее груди и спине продолжают расти. Не помогают ни мази, ни таблетки. Депрессия усиливает чесотку. Еврейская кровь сочится под ногами, комната черна и полна привидений. Убийства, вопли пытаемых жертв, человеческие скелеты обдают ее дыханием гибели. Пишущая машинка выстукивает картины Берлина. Выкрики нацистов, надписи на стенах: «Христианство сотрем и скорей, ибо свинья Иисус – еврей!» Возрождаются к жизни нордический бог Вотан, славянский Триглав, бог войны и мудрости Один, крестьянский бог земледелия и плодородия Венартус. В бесконечных своих речах Гитлер возвращает немцам их древних языческих идолов под несмолкаемую музыку Рихарда Вагнера. Она отшлифовывает текст, вызывая к жизни незабываемый день детства.

1931 год. Дом погружен в сон. Гейнц запретил ей сбегать со дня рождения Бумбы. Младшему брату исполняется одиннадцать лет. Дни рождения в доме – дело священное, ибо другие праздники вообще не отмечают. Но она все же прокралась в сад, чтобы присоединиться к подразделению, готовящемуся к экскурсии в лес. «Девочка, девочка!» – окликает

ее Урзула, служанка графини, живущей напротив, размахивая письмом, – «Девочка, позови садовника Зиммеля».

По просьбе старухи, которую Наоми называет «вороньей графиней», старый садовник поехал в старый Берлин, на Рыбачью улицу около реки Шпрее, передать письмо родственнику умирающей графини.

Черные вороны больше не будут есть крошки с рук графини, которая в ранние утренние часы выходила к озеру в черных траурных одеждах и разжигала любопытство Иоанны – Наоми. Все годы своего детства она сочиняла легенды о мистической фигуре странной графини, и ее тайне. Вечером она вернулась из похода в лес. Семья и гости, празднующие день рождения Бумбы в саду, не заметили, как она прокралась в дом. Настроение ее было ужасным. Она достала дневник из тайника и выложила в нем свою скорбь.

«Подняли знамя Гитлера над домом умершей графини!» – с криком ворвалась она в домик садовника. «Знаю. Это очень плохой знак, что дом графини захватили нацисты», – садовник затянулся и выпустил ароматный дым из трубки.

Он рассказал, что недавно встретил у озера служанку графини Урзулу, и она стала его стыдить, что он обслуживает евреев.

«Но почему графиня оказалась нацисткой?» – спросила разочарованно девочка. Зиммель объяснил ей, что графиня терпеть не могла кайзера Вильгельма Второго. Она боялась, что ее сына-музыканта пошлют на войну. Отец ее племянника, человек военный, заседавший в рейхстаге, высмеивал своего и ее сына за их физическую слабость. Его сын не выдержал этих насмешек и ушел на фронт. Сын ее пошел вслед за ним и погиб в бою. Горе съедало графиню, и она поставила себе целью отомстить сыну сестры, социалисту, вернувшемуся с войны живым. Она уверила себя, что если бы не он, ее сын был бы жив. Графиня и садовник происходили из древнего прусского колена вандеев, уроженцы которого никогда не были связаны с политикой.

«В моем селе, я не слышал имени Гитлера. Они чураются нацизма».

«Я не пройду мимо нацистского знамени», – сплюнула она.

«Бертель, не сдавайся этому знамени».

«Тише, тише! – беззвучно успокаивала она себя. – Тише, тише!» – разогнала она стаи ворон, которые оглушали ее карканьем.

Она хорошо помнит эти дни. Красное знамя с черным крестом в белом круге встречало ее, когда она выходила из дома и возвращалась в него.

Во времена Бисмарка Зиммель и Урзула оставили деревню и молодой парой приехали в Берлин, Они собирались пожениться, но графине не понравилось, что парень работает у евреев. Молодая Урзула ходила в шуршащих старых и, все же, элегантных платьях графини, подражала ее движениям, ее разговору, ее нацистскому мировоззрению. Она отшила парня, который служил в еврейском доме, учился в рабочей школе, созданной социалистом Августом Бебелем, вел интеллектуальные беседы с хозяином. Зиммель вернулся к себе в деревню после того, как нацисты изгнали хозяев-евреев и следы его потерялись. Садовник Зиммель играл большую роль в жизни Наоми. С любым делом, которое волновало ее или угнетало, она приходила к нему. С ним она разбирала книги писателей-социалистов. Зиммель подробно рассказал ей о своем племени ванадов или вандеев, о Триглаве, о мифе про черного медведя Иоанеса. Она даже посетили вместе с дедом их деревни.

По ночам Наоми вспоминает деревни ванадов, тянущиеся цепочкой вдоль реки. Над красными крышами клубится дым из труб. В темных Бранденбургских лесах, недалеко от Померании, лежит белый тонкий туман. Дед энергично шагает, опираясь на трость, другая рука – в кармане шубы. Дед идет по лесным тропам по направлению к лесным озерам. Внуки идут следом за ним по черной земле. Ветер развевает седые волосы деда. Дед учит внуков

истории: «Превислав – последний царь ванадов, вел войну, но был вынужден отдать земли христианам. На его глазах разбили идолы бога Триглава»

Дед рассказывает о легендарном герое Йоханесе – черном медведе. В двенадцатом веке он распространяет свою власть над язычниками-славянами, силой вгоняя их в веру милосердного Иисуса Христа. Десятью заповедями он загоняет десятки тысяч язычников с женами и детьм в болота. В маленьком прусском городишке Бранденбурге разбивает в осколки идолов, а Триглава топит в реке, превращая его в собственный символ на своих знаменах – в трезубец.

В старом еврейском дворе восточного Берлина слышны горькие рыдания. Здесь, на берегу реки Шпрее, она тоже не может сдержать слезы. Она остро ощущает еврейскую судьбу. Чувство святости и тяжкая печаль охватили ее, когда она вместе с Шломо Аронсоном вошла во двор. Он сдержан и замкнут, лишь пронзительным остановившимся взглядом смотрит на знаки смерти и запустения, оставленные нацистами. Лишь застывшие слезы поблескивают в уголках его глаз. Не осталось никаких следов от домов евреев, построенных в тринадцатом веке. Кто-то повесил объявление: здесь был дом Моше Мендельсона. Нацисты гневались: как он посмел называть себя немцем? Моше Мендельсон, совершивший переворот в еврейской религии, пришел в этот старый еврейский двор в восемнадцатом веке. Тогда кайзеры открыли врата Германии евреям, поддержали их занятие торговлей и банковскую деятельность – раздачу ссуд под проценты каждому, кто оказывался в трудном финансовом положении, ибо христианам церковь это запрещала. Мендельсон верил, что евреи и христиане могут жить в едином союзе.

Как обманывали себя евреи, думая, что они смогут быть равными с христианами – гражданами Германии?!

«Это моя страна», – говорил ее отец, и пошел на фронт Первой мировой войны. Он чувствовал, что это его святой долг.

На этом историческом для евреев месте каждый камень хранит память, которую пытались выкорчевать нацисты. Эти выродки ворвались в дом, выволокли Вениамина Френкеля. Его обвинили в убийстве христианского младенца, чтобы его кровью напитать мацу на еврейскую Пасху.

И хотя она носит тоже фамилию Френкель, у нее нет родственной связи с Френкелями Берлина и Силезии. Имя это звучит, как испанское, и стало распространенным среди евреев, изгнанных из Испании и пришедших в Германию в восемнадцатом столетии. По приказу кайзера они должны были прибавить к своим еврейским именам немецкие.

3.11.60
Берлин
Дорогой мой!

Я тут совсем одна. Пишу. Долго гуляла по старым памятным местам, и искала общежитие и забегаловку Нанте Дудля. Старая часть Берлина находится в восточном городе. Она почти полностью разрушена. Но я, все же, нашла улицу рыбаков у реки Шпрее. Старый еврейский двор уничтожен подчистую, но на выставке еврейской общины я нашла много снимков старого двора. Просмотрела документальные фильмы нацистского периода. Бумба должен вернуться в Израиль 14 числа этого месяца. Надеюсь, что все пройдет благополучно. Я сняла себе квартиру. Боялась жить вблизи дяди. Руфь шлет тебе привет.

С любовью,
Твоя Наоми

27.10.60
Гиват Хавива

Дорогая Наоми, в письмах ты намекаешь на какие-то трудности. Потому я очень беспокоюсь. Пиши подробней, и не забудь прислать свое фото.

Меня выбрали в коллегию премии Шлионского. Честно говорю, я не знаю, кто из поэтов и прозаиков достоин этой премии. По-моему, никто. Дело Лавона несколько успокоилось. Престиж Бен-Гуриона на нуле. Пинхас Розен выполняет роль примирителя. По сути, это маленький скандал в маленькой стране. Никого не застрелили, никого не послали в концлагерь, но дело это отражает нравственную проблему страны, власти, банды, захватившей уздцы в партии, в демократическом обществе, что случается во многих странах.

Дити сегодня снова спросила меня: когда мама вернется.

Твой Израиль

А между тем в Израиле набирает обороты дело Лавона. В июле 1954 года израильская военная разведка пыталась организовать серию диверсий в Египте. Но операция провалилась. Были арестованы 13 агентов. Двое из них покончили собой, двоих повесили, многих приговорили к длительным срокам заключения.

Разразился громадный политический скандал, продолжавшийся многие годы и получивший название «Дело Лавона» или «Позорное дело» (ХаЭсек биш). Поскольку выяснилось, что премьер-министр Моше Шарет не был поставлен в известность об операции, было начато многолетнее расследование, в ходе которого начальник военной разведки Биньямин Джибли и министр обороны Пинхас Лавон обвиняли друг друга в ответственности за провал операции. Джибли утверждал, что действовал по приказу Лавона, а Лавон отрицал, говоря, что приказа не было, и Джибли действовал за его спиной.

Президент страны назначил специальную Комиссию по расследованию. В нее вошли президент Высшего суда справедливости Ицхак Ольшан, и начальник генерального штаба Армии обороны Израиля Яков Дори. Выводы комиссии привели к отставке Лавона и Джибли.

По мнению общественности, правительство Бен Гуриона и пальцем не пошевелило, чтобы спасти своих агентов, обменяв их на взятых плен в ходе Синайской кампании 1956 года египетских солдат и офицеров.

4.11.60

Берлин

Дорогой мой,

Что-то между нами не наладилось, и я просто не сплю ночами. Ужасно тяжело на сердце. Пишу много, и ты знаешь, как напряжены мои нервы во время этой работы. Все, что вокруг происходит, находит отклик в тексте. По телевидению идет серия лекций с иллюстрациями о Веймарской республике и периоде власти Гитлера. Серия очень интересная и для меня важная.

И еще прошу, перестань подписывать письма фразой – «Не забывай нас».

С большой любовью,

Твоя Наоми

30.10.60

Дорогая Наоми

В последнее время я представлял себе, как ты там встречалась с городом твоего детства и юности. Хорошо, что ты нашла на месте дом, даже если в нем живут чужаки, нашла улицы, по которым ходила, и, вообще, добрую горсть той памяти. У меня ничего этого не осталось. Хорошо, что есть у тебя братья и сестры, дядя, который мог тебе

дать уголок отдохнуть. Хорошо, что остались у тебя друзья тех дней среди немцев. У меня нет никого, и у многих таких, как я.

Весьма важно, чтобы ты завершила второй том романа. И если атмосфера тебе помогает, сиди и работай. Сможешь ли ты послать мне копии написанных страниц. Я серьезно собираюсь засесть за вторичное прочтение «Саула и Иоанны». А вообще я сильно отстал в литературе. Прилагаю тебе список нужных книг. Если найдешь их для меня на немецком языке, присовокупи свое о них мнение. Меня интересуют книги по истории и литературной критике.

Кстати, в стране тоже много интересного. И это тоже важно для твоей книги. В последнюю субботу, в газете «Давар» Натан Ротенштрайх опубликовал статью «Цена, которую мы платим». Он говорит о том, что несколько поколений мы отдали одной цели – строительству страны. Но когда эта цель стала единственным мерилом человека, возникла односторонняя лестница предпочтений, ибо строительство страны обретает форму обычной бюрократии, состоящей из лидеров и их слуг. И дело переходит в руки этих бюрократов и того, что они считают строительством страны. Они видят страну, как некий кукольный театр, которым они управляют, дергая за нити. И тут грань между строительством и разрушением проходит через души, которые живут своей маленькой, но истинной нравственностью. В этой ситуации не столько существует опасность для личной нравственности индивида, сколько для общей цели – строительства страны. Уверены ли мы, что суд поколений не обвинит нас в том, что «Возвращение в Сион» было самохвальством и бесшабашностью, испытанием, которого мы не выдержали.

Обвинение тяжелое. И если народ не сделает сейчас выводы, положение еще более ухудшится. Не понимаю, и я уже писал тебе об этом, почему Пинхас Розен должен взять на себя это дело, чтобы его замять.

Я уверен, что где-то в Германии ходит молодой парень, может, по улицам Берлина, или другого города, который в будущем станет новым Гёте или Гейне, помесь еврея и немца, или в иной форме – некий молодой Маркс, с другом, неким немцем, положим, Энгельсом. Он изгонит из Мюнхена всех упивающихся пивом и объедающихся сосисками, уберет все следы германского милитаризма, как западного, так и восточного. Я верю в то, что в течение десяти лет возникнет новый мир, в котором не будет бен гурионов и подобных им.

Ты помнишь о прямой личной ответственности человека перед Историей, без всяких дискуссий и экивоков – не организаций, не лидеров. Именно, это найдет все большее понимание в мире.

В любом случае, если спросишь, каково влияние той или иной книги или вечного произведения искусства, почему религия (в определенные периоды) создавала вечные шедевры, отвечу: личная ответственность человека за свои дела. И нет посредников между человеком и Богом, как папа римский или некий праведник. Только личная ответственность человека перед Богом, ибо от Него ничего не скроешь, и Он знает все уловки человека.

Дити очень обрадовалась итальянской кукле, присланной тобой. С Дити нелегко. Она убегает из детского дома. Опять твои письма о подарках. Наоми, не транжирь деньги, ты не у себя дома. Не сердись на мои замечания.

С любовью,
твой Израиль

12.11.60
Берлин
Дорогой мой!

Сижу взаперти и пишу. Книга продвигается быстро. Многое я изменила, многое добавила. Я бы все завершила по плану, если бы не семейные заботы. Выяснилось, что Бумба

должен отсюда убраться немедленно. Его компаньон копает под него, и это очень опасно. Я отошлю его в Израиль еще на этой неделе, а ребенка привезет к вам Руфь. Не хочу помешать Лотшин поправлять здоровье в доме отдыха. Прошу поместить у нас на несколько дней Бумбу, пока Лотшин вернется к себе домой. Было у меня с Бумбой и нечто радостное. Он встретился с очень симпатичной девушкой, серьезной и очень уравновешенной. Она учится в школе для медсестер и сдает сейчас экзамены. Ей остается еще один год учебы, после чего она уедет за ним в Израиль. Она знает о Бумбе всё, и видит его, я бы сказала, в правильном свете. Но она влюбилась в него и уверена, что в ее силах вернуть его на верную дорогу. Воистину, Бумбе крупно повезло.

Со времени моего последнего письма произошли некоторые драматические встречи. Я встретилась с коллегой отца. Ему семьдесят лет. Ты и представить себе не можешь, как он расчувствовался. Он поехал вместе с Руфью в комиссию по репарациям, чтобы засвидетельствовать свою работу у моего отца. Там, от его рассказов все давились от хохота. Мы с Руфью сидели с ним два дня, слушая воспоминания, и тоже смеялись от души. Я много нового услышала об отце, и теперь вижу его в абсолютно новом свете. С ним отец вел долгие разговоры, а он их пересказывать с сочным берлинским акцентом. И еще нечто, что заставило меня расчувствоваться. Дядя в Аушвице поклялся, что если останется в живых, станет глубоко религиозным евреем. И сейчас он осуществляет свою клятву с фанатичным упорством. С невероятными усилиями собрал группу из десяти евреев для миньяна, и открыл синагогу. Он повел меня в это небольшое помещение. Сил двигаться у него не было, и он почти полз при помощи костылей, чтобы показать место, где он стоял в прошлой жизни – в самой большой синагоге Берлина. После войны извлек из-под развалин книгу Торы, молитвенники и талес. И эти вещи он показал мне. Он готов все это передать в Израиль, ибо знает, что здесь, в Германии, нет у него ни наследника, ни того, кто это всё сохранит. Я нашла там старые книги, закопанные в землю. Вспомнила наш разговор с тобой о книге, которую хотели закопать на старом еврейском дворе, в Берлине, и граф Кокс должен был ее найти. И вот, я держала в руках старые молитвенники, и была потрясена.

Дорогой мой, все моим переживания здесь очень тяжки, переносятся мной с невероятным душевным напряжением, и я не нахожу дороги, чтобы облегчить хотя бы немного свое существование. Меня преследует чувство, что пора завершить здесь свою работу и возвращаться домой. Жду твоих писем, ибо мне становится легче только при виде твоего почерка.

Как ты себя чувствуешь? Выздоровел ли? Интересует ли тебя молодая немецкая литература?

С любовью,
твоя Наоми

5.11.60
Гиват Хавива
Дорогая моя,

У меня все в порядке. Я здоров. Спасибо за письма. С моими письмами проблема. Часть их, посланная в Италию, вероятно, пропала. Часть еще находится в Кёльне. Рассказ о дяде потряс меня. Вообще, все твои рассказы на грани чуда. И о служащем отца, и о брате, – воистину роман, от которого невозможно оторваться.

Послал тебе вырезки из газет, но они, очевидно, не дошли из-за ошибки на почте Гиват Хавивы.

Иногда мне очень плохо. Никакие вещи меня не радуют. Теперь, насчет книг. Сначала поинтересуйся, потом покупай. Вот – некоторые из них: книга Вальтера Биньямина о

барокко; двухтомник Блоха, вышедший в Западной Германии. Подумай, стоит ли его покупать. Интересен ли журнал «Мир и слово»?

С любовью,

Твой Израиль

Наоми решает поехать в Веймар, находящийся в восточной зоне под коммунистической властью, по следам любви «Лотты в Веймаре», героини знаменитого романа Гёте. Наоми когда-то бывала там вместе с отцом и старшим братом. Теперь она хочет побеседовать с жителями о прошлом и настоящем. Кураторы Наоми, сняли ей комнату в соседнем с Веймаром городке, но к ней не присоединились, ибо не получили разрешение на въезд в восточную Германию. Она и сама с большим трудом смогла убедить полицейских разрешить ей посетить Веймар.

Хозяин, гостиницы, старик, тут же узнал в ней еврейку, и явно враждебным тоном спросил, зачем она приехала. Ответила холодно: «Увидеть город Гёте. Появилась жена хозяина, и спросила:

«Вы еврейка?»

«Да».

«Теперь понимаю. Только евреи приезжают видеть такие города. Немцев это не интересует. Это было много лет назад, и кто вообще знает об этой истории. Это вообще может быть еврейской выдумкой. Только они на это способны».

После полудня она покидает гостиницу, чтобы расспросить прохожих, знает ли кто-нибудь о Гёте.

Два отпущенных ей дня она только этим и занимается. Спрашивает: «Близка ли я к улице Гёте?» или «Здесь ли жил Гёте?»

«Мы не знаем, где он живет». «Кто он такой? Он жив? Он умер? Нацисты его убили?»

«А-а, он был поэтом», – это был старик, вспомнивший о великом человеке, гордости Германии.

В смятении она покидает Веймар.

Жители города беспрерывно рыщут в поисках продуктов, одежды, развлечений. Их не интересует художественная литература.

«Я приехала в Веймар, чтобы встретить людей, почитающих Гёте, но ни одного не нашла».

«Мы честно признаемся тебе, – ответили ей, – если бы ты нам не рассказала о нем, и мы бы не знали о существовании Гёте».

Сегодняшняя Германия – страна, лишенная культуры. Трудно в это поверить, но это так. Наоми не в силах успокоиться. Во времена ее отца даже представить нельзя было, что кто-то не слышал о Гёте.

Глава шестнадцатая

Что случилось с немецким народом, потерявшим человеческое обличье? Наоми все так же далека от ответа на этот вопрос, как и вначале своего странствия. Она продолжает встречаться с немецкими семьями, чтобы понять появление антисемитизма в Германии.

Она видит упадок нравов в каждой случайной встрече.

Хозяйка дома, в который ее пригласили, рассказывает:

«Мы с мужем стояли на вершине горы в Баварии. Одни. Больше ни одной живой души. Легкое движение руки, и я сброшу мужа в пропасть. Но я подумала о допросах в полиции, и о том, что могу быть уличена, и я удержалась от моего намерения».

Муж ее залился смехом, а Наоми сжалась на стуле. Как может прекрасная природа вызывать мысли о преступлении? До чего довели нацисты людей. У этой женщины отобрали чувство человечности и уважение к человеческой жизни.

Ночью обостряются душевные страдания Наоми. Немцы все еще гордятся победами Гитлера и испытывают тоску по Третьему рейху. О коменданте Аушвица говорят, что он был отличным отцом, примерным мужем, любил музыку и был чувствителен к искусству.

Нервы Наоми окончательно расшатались, она расчесала все тело. Таблетки от бессонницы не могли одолеть тяжкие мысли и всё лишало ее покоя – от Издреельской долины до Берлина.

Она, живя в идеологизированной среде, оставалась противницей любой идеологии «Сионизм это не идеология! – набрасывались на нее в Движении, когда она говорила, что любая идеология опасна, – Сионизм это возрождения народа! Каждый обязан подчиниться воле партии»

В эти тяжкие ночи нет рядом с ней Израиля, чтобы успокоить ее возбужденные нервы: «Твои слова мудры и верны, но в идеологическом Движении именно это – основа основ. Не воспринимай близко к сердцу насмешки товарищей».

И опять она слышит о том, что цель оправдывает средства. Такая моралью ведет от коммунистов к нацистам, и теперь эхо той морали откликнулось в еврейском государстве.

Что произошло с германским народом? Ей необходимо беспристрастно оценить нацизм, и сравнить пути реализаций обеих идеологий: нацизма и коммунизма. Ночами она мысленно бродит по берлинским кварталам, бульварам и аллеям. Она работает новыми главами романа. Она пишет о пролетарском Берлине 1932 года. Безработица, болезни, нищета, преступность. Нацисты с помощью подкупа вербуют своих сторонников по улицам и трактирам, используя их для агрессивной пропаганды. И в это же время скульптор Оттокар работает над проектом памятника Гете. Он мечтает поставить его на месте скамьи у газетного киоска коммуниста Отто. Скульптор хочет, чтобы среди этой грязи и запустения сверкали буквы последних слов умирающего Гёте – «Да будет свет!»

На центральной улице Берлина Курфюрстендам Наоми останавливается перед небольшой афишей. Покупает билет и входит в небольшой почти пустой зал. Аполлон? Она удивлена до глубины души. Марго? Актеры из богемной компании ее сестричек-близнецов. После спектакля, когда зал опустел от зрителей, она подходит к низенькой сцене.

«Здравствуй, Аполлон», – обращается она к элегантно одетому актеру.

«Ой, семья Френкель здесь!» – куплетист Аполлон сразу узнает ее. Оглянулся на партнершу и поторопился сказать, что он уже не носит имя Аполлон. Марго молча стояла с ним рядом.

«Семья Френкель не здесь. Я приехала чтобы писать о Германии и возвращусь в Израиль», – сказала Наоми и поинтересовалась у него, что он делает в Германии, и когда вернулся из Бразилии.

«Да, я вернулся в Германию. В Бразилии я страдал от голода. Это другая Германия. Германия освободилась от Гитлера. Вы убедитесь, что это другая страна».

«Видели ли вы Шпаца?»

«Мне рассказали, что он пытался мне помочь, но я не хочу вспоминать о прошлом».

Она в гневе отворачивается и уходит, не прощаясь. Шпац использовал свои связи с нацистским поэтом, одним из руководителей гитлеровской молодежи, чтобы спасти Аполлона, своего еврейского друга, от острога, а друг этот даже не подумал отыскать своего спасителя, чтобы отблагодарить. Лотшин и Руфь, пытавшиеся отыскать Шпаца, получили два разноречивых сообщения о нем. То ли он был уничтожен нацистами, то ли бросил живопись и ухаживает за больными животными в пригородах Берлина. Наоми поехала на ферму, но никто из ее работников не помнил Шпаца из Нюрнберга.

Наоми идет по Фридрихштрассе, улице богатой богемы.

Она заходит в знакомый ресторан.

В романе именно здесь она сведет двух лидеров сионистского движения – Георга Фельдмана и Александра Розенбаума, адвоката из Палестины.

– Я вовсе не преувеличиваю, Георг, извини, что повторяюсь, но кто знает, когда мы еще сможем поговорить. С тех пор, как я прибыл в Европу, мучают меня мысли. Вы не столь чувствительны, как я, к окружающей вас европейской атмосфере. Говорю тебе, не материальный кризис меня беспокоит. Есть в настоящем кризисе нечто такое, что отличает его от всех предыдущих кризисов. Действительность стала небезопасной, действительность духовная и душевная перестала действовать по законам разума.

– Не дай Бог, Александр, не дай Бог! – громко протестует Георг. – Все еще существует естественная духовная реальность по законам, которые можно критиковать по вечным историческим и человеческим понятиям. Это переходный период, и понятно, что явление это преходящее.

– Переходный период? Между чем и чем, Георг?

– Это необходимый результат демократического развития. Завершился период индивидуального либерализма, священных прав частной собственности. Мы, воспитанники либеральной эпохи, не можем понять, что демократия, во имя которой мы воевали, означает равенство. Кончились самостоятельные единоличники. Право на частную собственность уже не священно!

– Нет, Георг, это не так, – Александр кладет свою большую ладонь на стол между стаканами вина, – говорю тебе, что действительность здесь слаба и бессильна, и вовсе не представляет просто переходной период. Это период жестокого испытания. Мы пришли к самому краю, к последней границе мира. И тут, каждый человек должен решить, по какую сторону этой границы он находится, какой стороне он принадлежит. Философствовать, стоя над пропастью, – указывает Александр в пространство набитого до отказа ресторана, – не время.

– Я во многом согласен с тобой. Согласен, что надо действовать, чтобы спастись. Но я не верю в то, что это последний час испытания. Мы живем среди народа с древней культурой в период, зависящий от международного развития. Демократия не только означает равенство равных, но и неравных. Мы, евреи, никогда не будем равны им, отсюда и наше великое разочарование. Но это логический результат переходного периода внутри древней культуры.

– Культуры тоже смертны, Георг. Не провозгласил ли Ницше о смерти всей культуры, о смерти Бога?

– Ну, да, Бог, в общем-то, еще агонизирует, – отвечает в раздумье Георг, – еще борется и колеблется между жизнью и смертью, – и наливает вино в пустой стакан.

Александр замолкает, погружаясь в размышления, затем говорит Георгу:

– Не первый раз я оставляю свою маленькую страну, и приезжаю в Германию. Но теперь я по-другому воспринимаю цели сионистского движения. Понимаешь ли, Георг, в то время, когда мир удаляется от принципов праотцев, мы совершили обратное – вернулись в мир праотцев по новой дороге. В мировом освещении, наше маленькое движение видится нам, как движение всемирной важности, сохраняющее вечные ценности во имя всего мира. В моем мире Бог не умер.

Из роскошного ресторана, она переходит в привлекательное кафе Кренцлера. Эмиль и Эдит покидают это место, минуют Бранденбургские ворота, идут по улице, ведущей к высокому обелиску Победы. Наоми в своем романе оставляет их в темноте, в широко раскинувшемся городском саду у озера.

У письменного стола она словно теряет себя, пытаясь проникнуть в душу нациста. Понимание, симпатия, волнение вырывается из ее душевной глубины, когда она пытается словами передать понимание Эмилем Рифке своего будущего, будущего офицера полиции, подчиняющегося нацистской организации и действующего в подполье ради освобождения Германии. Эмиль Рифке предает республику во имя своей возлюбленной-еврейки, но пытается вырваться из порочного круга, ибо многое знает. Клавиши пишущей машинки, кажется, сломаются под ударами пальцев, сердце колотится в ее груди.

– Разве я тебе не говорил, Эдит? Я верю в Гитлера. Ты понимаешь? Из всех идей, программ и призывов, витающих в пространстве этой страны, я понимаю лишь одно – что я немец. Гитлер дал мне чувство связи между землей, по которой я ступаю, и моей кровью и тем таинством, которое связывает меня с моими предками, с моим прошлым. Гитлер, это не партийная программа, он больше этого. Он вождь, в котором нуждается народ во время этого тяжелого кризиса. Гитлер… я чувствую его слова до мозга костей и не могу объяснить самому себе, почему это происходит. Не знаю, но ощущаю, что не слова, не лозунги, не программа партии, не они являются источником этого глубокого переживания. Эдит, я бы хотел, чтобы ты меня поняла. Когда я вижу Гитлера и слушаю его речи, в душе моей происходит нечто… элементарное, ощущаемое, как сама суть моей жизни, от которой невозможно сбежать. Пойми меня, Эдит, пойми. – Последние слова он выкрикивает в светящееся лицо Эдит, словно крик о помощи. – Гитлер это я, Эдит. Это корни, из которых вырастает моя душа.

Жаль, думала Эдит, что отец не слышал его, не видел его таким, стоящим передо мной. Он не такой, каким отец его себе представляет.

Перевоплощаясь в офицера и нациста, она пробирается в изгибы его души.

…Сейчас дни войны. Война эта завершится победой. И тогда настанут дни мира, Эдит, и тогда человек сможет построить свой дом. Никто не спросит больше тебя, еврейка ли ты, этот параграф будет вычеркнут из программы.

Не все нацисты были бесами. Наивный Эмиль не был лишен простых человеческих чувств. Наоми ставит себя на место обычного немецкого гражданина, обывателя, и картина для нее проясняется. Каким было положение в Германии до января 1933? Жестокая безработица, невероятная преступность, беспомощное правительство. Тоска по кайзеровскому режиму, спокойствию и процветанию. Буржуазия внесла солидный вклад в приход Гитлера. Они боялись коммунистов и решили привести к власти национал-социалистов. Победе нацистов предшествовало слияние двух национальных партий. Сокращение германской армии после войны, вызвало волнение среди военных. Президент Гинденбург и член национальной германской партии, которая объединилась с нацистской партией, возложили на Гитлера сформирование правительства. Нацистское правительство поддержали

владельцы крупных промышленных предприятий, такие, как Крупп, сталелитейные гиганты «Крафт дореш фройде» – «Сила с помощью радости». Предприятия, поддерживаемые нацистами, купили рабочих, значительно подняв уровень их жизни, несравнимый с прошлым их положением. Каждый рабочий мог купить малолитражный автомобиль марки «Фольксваген» – «народный автомобиль». Каждый рабочий получил бесплатный радиоприемник. Рабочий ощутил поддержку власти. Создание разветвленной сети шоссе, охватившей всю Германию, давало работу массе безработных. Сознание десятков миллионов немецких граждан насиловала с невероятной силой нацистская пропаганда. Германия, раздираемая хаосом, финансовыми трудностями, жаждала устойчивой власти и созрела для диктатуры Гитлера.

Наоми вспоминает и записывает диалог между Гейнцом и его подругой коммунисткой Гердой.

– В последние месяцы, – рассказывает Герда с печалью в голосе, – Эрвин взбунтовался против партии, и ее политики. Он считает, что такая политика просто фатальна, что такие лозунги, как «Гитлер придет к власти, а за ним придем мы!», уверенно приведут к катастрофе. Он ведет пропаганду на встречах против партии. Ты понимаешь, Гейнц, именем партии он атакует ее, и…

– Но он ведь свободный человек, и имеет право выразить свое мнение, – удивляется Гейнц.

– Нет, – ужесточает Герда свой голос, – это дни предвыборной борьбы, дни войны. Не имеет права человек на частное мнение. Он должен подчиняться. Я не согласна с Эрвином.

– А если совесть ему не позволяет вести себя согласно линии партии, что он должен сделать?

– Нет у человека двойной совести, Гейнц. Человек, который занимается общественной деятельностью, должен и вести себя соответственно общественной совести, а не, согласно совести личной, надуманной.

– Но, Герда!

– Все эти вещи были тебе всегда чужды, Гейнц, я знаю.

– Верно, – с нескрываемым удовольствием смотрит Гейнц ей в лицо. От волнения у нее раскраснелись щеки, и в глаза вернулся решительный огонь, который так воспламенял его сердце. – Но, – добавляет он озабоченно, – я всегда хотел понять, как могут люди жертвовать жизнью во имя политики.

– Это не во имя политики, – прерывает его Герда, – политика только средство, и если оно порой грязно, цель это главное, а средства могут быть и нечистоплотными.

– Даже так? Все средства?

– Да, все средства! – решительно отвечает она. – Перед лицом врага, который не чурается никаких средств, и ты должен воспользоваться его же средствами, чтобы провалить его мерзкие замыслы…

Инга Леви никак не может понять, какое отношение имеет ее подружка Марго к нацистскому шествию, зарисованному Вольдемаром Шпацем.

– Ты не понимаешь, – волнуется Шпац, – я обязан был изобразить нечто типичное. Ты ведь тоже считаешь, то нацизм это идеология? Это – тип человека, а не извивающегося червя.

В двадцатые и тридцатые годы двадцатого века человек без политического мировоззрения был подобен пустому месту. Мировоззрение человека влияло на его отношение с окружающей средой.

Какова природа человека? Как немецкий народ, который в сущности своей не страдал антисемитизмом, был захвачен нацистской идеологий и с невероятной жестокостью уничтожал еврейский народ? Германия состоит из нескольких народов, и каждого свой характер.

Наоми надо найти общий знаменатель у этих народов. И она пересечет Германию вдоль и поперек, чтобы получить ответ на эти вопросы. Дело это невероятно тяжелое, особенно, когда встречаешься с людьми, не ощущающими угрызения совести, и тоскующими по щедрым годам правления Гитлера.

Машинисты, перевозившие евреев в лагеря смерти, объясняют ей, что не всегда знали, что везут и в каких условиях. К концу войны, когда нацисты потеряли управление поездами, машинисты поняли свою роль в этой войне, и теперь оправдываются: «Приказ есть приказ. Что мы могли сделать?» Они выглядят нормальными людьми, семьянинами, и она не может их определить в категориях зла. Большинство машинистов поездов не могут или не хотят понять ее, или гонят от себя чувство вины. Они признаются, что видели, как умирали от духоты и тесноты в вагонах. Они знали о селекции, свидетелями которой они были в течение долгой дороги в лагеря смерти. Один из машинистов сухо заметил: «На последних станциях я видел, как пассажиры прыгают из высоких вагонов и ломают кости, и мертвецов, которых оставшиеся в живых выносили из вагонов. Приходя домой, я первым делом выпивал чашку кофе, чтобы успокоить нервы». Тошнота подкатывает к горлу Наоми. Он запивал свою совесть чашкой кофе.

Наоми поручили поговорить с бывшими эсэсовцами, выяснить их чувства и переживания во время службы в лагерях смерти и трудовых лагерях. В списке фигурирует мясник. Она приходит в огромный магазин. Между тушами, подвешенными на крюках и истекающими кровью, стоит толстый мясник с широким багровым лицом. Пар от его дыхания пропитан спиртным. Лицо опухшее, налитые кровью глаза словно глотают ее тонкую фигуру. Она напрягает все силы, чтобы выглядеть спокойной и не сдаться чванливости бывшего эсэсовца. Эта заносчивая гора мяса выпрямляет спину, отвечая на ее вопросы. Мясник с гордостью разглагольствует о необходимости очистить Германию от евреев, и в ее воображении его рука сжимает нож, с которого стекает кровь. «Я не скрываю и не отрицаю, что был нацистом. Я горжусь этим. Американцы и все народы завидовали нам, ибо из нашей среды вышел великий человек и лидер Гитлер». Он напоминает ей берлинскую старуху, которая сказала ей, что все народы завидовали немцам. Теперь этот преступник, без всякого стыда и раскаяния, нагло похваляется: «Я сэкономил государству газ».

«И вы бы сегодня сделали то же самое?»

«Да».

Она замолкает, словно потеряла дар речи. При всей готовности к этому, она не ожидала такого прямолинейного ответа. Все же, большинство немцев, интервьюируемых ею, стыдятся причастности ужасам Катастрофы, и дрожащими голосами приносят извинения.

Мази, которые она наносит на воспаленную кожу, не помогают. Изо дня в день гнойные раны все более распространяются по телу. Несмотря на бессонницу и слабое питание, она заставляет себя посещать огромные мясные магазины, чтобы отыскать более выразительные типичные черты такого героя для романа. Куски мяса, висящие на крюках вдоль стен, порождают в памяти ужасающие картины. Туши животных неузнаваемо меняют свой облик и форму. И невозможно избавиться от видения: мясники сдирают кожу с евреев. Ее внимание привлекает огромный упитанный мясник, который прохаживается вдоль туш и оглаживает ладонью мясо, истекающее кровью.

«Скажите, вам нравится гладить мясо?», – обращается она к нему.

«Привлекаю покупателей. Вы разве не видите, что это мясо высокого качества и очень вкусное. Госпожа, какое мясо вы ищете? Телятину, свинину или крольчатину?

«Не сейчас, – прерывает его она, – я лишь хочу спросить вас, о чем вы думаете при этом?».

Мясник поворачивается к ней спиной и уходит вглубь магазина.

Адвокат, занимающийся делами нацистских вдов, помогает ей с адресами семей нацистов. Так она попала к хозяйке прачечной, согласившейся поговорить с ней.

«Я вообще была вне политики. Нацисты меня не интересовали. Но когда Гитлер пришел к власти, я стала пламенной нацисткой, ибо он заботился о народе, как отец. Я освободилась от личных забот. Гитлер создал сеть домов престарелых для членов его партии. Я перестала поддерживать финансово мою мать. За детьми следили в школе. Их кормили весь учебный год, а летом брали в лагеря. Да, заработные платы были небольшие, никто не богател. Но все работали. Ели мало, но нам объясняли, что это во имя народа. Я никогда этого не забуду», – искренне призналась она.

Израиль настаивал на ее поездке в Германию:

«Возвращайся домой. Ты не можешь писать о Германии издалека. Ты должна создать динамику. Образам следует развиваться».

Теперь она должна наполнить каждый образ иным содержанием, чем в первом томе. Персонажи должны находиться в беспрерывном движении. Перед тем как приступить к написанию новой главы, она должна тщательно пересмотреть материалы: книгу доктора Иосифа Гирша, записи бесед с Пинхасом Розеном, касающиеся истории семьи Гирш и биографии семьи Розенблит. Семьи эти неразрывно связаны. Картины природы, звуки музыки, строки поэзии, пески, леса, широкая реку, несущая воды через всю страну встают перед ней. Леса обрамляют страну со всех сторон. В шестнадцатом веке в этих лесах добывали медь, создавали медную посуду, кастрюли и сковородки, художественную чеканку для крестьян, живущих вдоль реки.

В начале семнадцатого века, кайзер Пруссии отправился на охоту в леса. Он пригласил с собой министра, сочинителя веселых комедий. Добродушный министра замечтался у лесного озерца. И тут чувствительная душа наткнулась на каких-то темных людей, добывающих и обрабатывающих медь. Он и предложил кайзеру Пруссии создать здесь предприятие по выплавке меди. Кайзер принял его предложение, и между лесом и рекой была построена государственная фабрика, руководителем которой стал веселый сочинитель комедий. Довольно скоро ему надоело жить в лесу, в пламени и саже, и он вернулся во дворец кайзера. Руководители предприятия сменялись, а потом производство меди и вовсе заглохло.

Тем временем, металлурги научились к расплавленной меди прибавлять мягкий металл – олово, и этот сплав родил твердую латунь, из которой начали создавать красивую посуду. Металлургический завод привлекал людей, и на желтом песке начали возникать новые села. Ленивые воды реки несли множество лодок. Был построен мост через реку, который с двух сторон охраняли стражники. Евреи, желающие перейти мост, платили налог с головы в казну кайзера, и потому мост называли «еврейским мостом». Через много лет, в 1822, через мост проехала карета, на которой, выпрямив спину, сидел важный еврей. По обеим сторонам моста стояли плавильщики меди кланялись господину Густаву Гиршу. Семья Гирш торговала металлами в стране с времен зарождения металлургической промышленности. И Густав Гирш был новым владельцем самого большого латунного производства в Пруссии. На этом предприятии в 1887 году родился Феликс Розенблит, он же – Пинхас Розен.

Завод располагался на одной улице, вдоль которой росли каштаны и липы, возвышающиеся над крышами одноэтажных домов, тянущихся по прямой. Дом касался соседнего дома, впритык, а чердаки были связаны один с другим. Вдоль стены, окружающей промышленный поселок, как отдельно стоящий мирок, росли кусты сирени. Это был мир небольшой еврейской общины, живущей по своим законам. Обычно господин Гирш вставал очень рано и объезжал поселок на своем белом коне. Он будил своих подчиненных, созывая их на утреннюю молитву в синагогу. Перед закатом он провозглашал: «Господа, отложите ваши

ручки. Сейчас начнем вечернюю молитву». Все чиновники латунного предприятия были евреями, и записи в учетных книгах велись на иврите.

Отец Пинхаса Розена, еврей из Венгрии, был чиновником на предприятии господина Гирша. Так как Феликс, будущий Пинхас, был лучшим учеником религиозной школы, его взяли работать на латунную фабрику, чтобы он в школе этого предприятия преподавал главы из Гемары. Для выдающихся учеников ешивы был отведен отдельный класс. На фабрике отец Пинхаса Розена познакомился с его будущей матерью, которая овдовела молодой, и как старшая дочь добропорядочной семьи, пошла учиться на воспитательницу детских садов. Она приехала в город металлургов, став воспитательницей детей семьи Гирш. И привила им любовь к германской культуре, литературе, музыке. Отец Пинхаса Розена взял воспитательницу в жены, и она родила ему семерых детей.

Два мира стояли у колыбели Пинхаса Розена: традиционная еврейская и либеральная германская культуры. Две разные акушерки и воспитательницы вместе создали маленькому Феликсу Розенблиту гармоничный мир, который от остального мира отделяла высокая стена. Но каждое утро приезжал на своей карете извозчик Мадель и вывозил детей работников латунной фабрики за пределы стены. Карета покачивалась на пружинах, крыша и стены тонко повизгивали, кнут Маделя свистел. Девочки постукивали нетерпеливо ногами, ожидая Феликса, который всегда приходил последним, ибо накладывал тфилин с большой педантичностью и серьезностью, характерной для юношей. Он врывался в карету и начинал пробираться между ногами сидящих подростков, и всегда находил себе наилучшее место в карете, у окна, чтобы видеть все, что происходит снаружи, по пути.

Это был большой, открытый, новый мир, куда они сбегали из-за стены религии и строго исполняемых заповедей. Мир гуманистической гимназии. Не все дети работников латунной фабрики, вышедшие за стену на скрипящей и позванивающей карете, потом вернулись в еврейство. Но они всегда хранили верность корням, из которых выросли.

На фабрике, под старым орехом, заскорузлые корни которого торчали из-под земли, сидела могучая женщина, жена извозчика Маделя госпожа Цванцер. Она была хозяйкой единственного магазина в поселке. Все свободное время она просиживала под орехом, а напротив, за низеньким забором, болтали ногами и языком парни и девушки.

Со своей скамьи христианка Цванцер следила за еврейскими молодыми людьми. И, упаси Боже, если кто-нибудь из парней легкомысленно нарушал хотя бы одну из множества заповедей. Она тотчас же являлась перед уважаемым господином Гиршем и требовала тяжкого наказания грешнику. Она досконально разбиралась во всех законах Бога Израиля, и ни один нарушитель не избегал наказания.

Однажды прибыл на латунную фабрику молодой человек по имени Лазарус Барт и принес в закрытую ортодоксальную общину весть о сионизме. Тогда Бениамин Гирш управлял латунной фабрикой и был председателем союза евреев Германии. Союз боролся против сионизма, и никому не позволял нарушать заповеди Торы, даже ужесточив строгость их исполнения. Родители боялись, что сионизм приведет молодое поколение к отрицанию веры. Потому сионистское движение в общине возникло подпольно, и первым в него был вовлечен юноша Феликс.

Вместе с Лазарусом он гулял по лесу до озера грёз, скрытого сосновой рощей. У этого озера бунтарь Лазарус Барт превратил юношу Феликса в лидера, одного из основателей сионистского движения в Германии. В 1924 он репатриировался в Израиль, затем был вызван в Лондон Хаимом Вейцманом и стал членом сионистского руководства. Затем он был избран членом муниципального совета Тель-Авива. А в 1948 стал одним из тех, кто подписал декларацию о Независимости государства Израиль и первым министром юстиции.

А пока, в романе Наоми, Феликс все еще юноша, питающийся чистейшими водами грёз юности. Он обладал силой убеждения и логики, умением серьезно, и четко анализировать.

Юные бунтовщики сбегали из замкнутой общины в ближайший город и в трактире заказывали блюда из свинины. Пиршество заканчивалось расстройством желудка…

Когда до прусского городка дошла весть о смерти Теодора Герцля, обычно сдержанный и расчетливый Феликс бросился к лесному озеру, чтобы там оплакать смерть провозвестника еврейского государства. Тогда его старший брат Мартин, который еще не присоединился к сионистской группе, сказал: «Если Феликс по-настоящему оплакивает смерть Теодора Герцля, значит есть что-то истинное в сионизме».

В университете южногерманского города Фрейбурга Феликс увлек сионистскими идеями одного из будущих лидеров, Курта Блюменфельда.

Год 1905. Идет подготовка к седьмому Сионистскому конгрессу.

Этот конгресс, первый без Теодора Герцля, прошел под знаком Уганды. Там планировали создать убежище для спасения преследуемых в погромах евреев царской России. Макс Нордау говорит об Уганде, как «ночном убежище «. Не было никакой возможности создать «дневное убежище» в стране праотцев. Не видно было никакого пути для реализации государственного сионизма, который виделся прекрасной, но неосуществимой утопией.

Студент юридического факультета Феликс Розенблит впервые участвовал в сионистском конгрессе. Не как делегат, а как один из обслуживающих конгресс. Он был очень взволнован речью Макса Нордау, посвященной внезапной смерти Теодора Герцля, но категорически не согласился с угандийским проектом. Феликс верил лишь в одно убежище для евреев – на родине праотцев.

Наоми вспоминает встречу Гейнца с господином Гиршем. Гирш решил продать все акции и ликвидировать процветающую фабрику. Господин Гирш советует Гейнцу немедленно поступить также и вывезти из Германии все ценное.

Ценности и валюта, которые Гейнц вывез в швейцарские банки, помогли семье бежать в Аргентину после прихода Гитлера к власти.

– Господин Леви, я не полагаю. Я знаю. Намерения ведущих деловых людей Германии я отлично знаю. Быть может, и появится у нас большой государственный муж, который докажет свою силу и будет крепко стоять против намерений магнатов. Но так как в данный момент я не вижу такого мужа, которому верю, то я верю намерениям деловых людей, которые, кстати, их и не скрывают.

– Но ведь правительство канцлера стоит крепко, господин Штерн. Или вы полагаете, что у Гитлера есть шанс выиграть на ближайших выборах?

– Выиграет, не выиграет, не столь важно. Более сильные правительства, чем правительство канцлера Брюнинга потерпели провал из-за всяческих интриг.

Пинхас Розен и сионисты трезво оценивали настоящее и будущее Германии. Ее же отец и его товарищи верили в прогрессивную Германию и посмеивались над сионистами. Пророчество Герцля вызывало шутки в доме. Отец, дед, их друзья и компаньоны, отбрасывали, как оскорбление, пророчества сионизма о приближающейся катастрофе. Проявления антисемитизма в двадцатые годы двадцатого века, которые усилились в тридцатые годы, не убедили их, что катастрофа стоит на пороге. Этот период минет, говорили они, в истории мы уже встречались с таким.

Отец завещал перевезти младших детей в Швейцарию, Англию, или Америку, но даже его мудрость и опыт не могли представить размах Катастрофы. Он не завещал детям продать все семейные богатства и бежать из Германии. Слабость и недальновидность отца не дают ей покоя. Евреи держится за иллюзии и отрицает реальность.

…Наконец молодой человек уяснил то, чего не мог понять его отец. Со щемящим сердцем он смотрит в лицо Гейнца: «Как жаль, юноша, что таким образом пришла к вам весть о вашем долге. Вы шокированы. Вы поняли, что капитал ваш в опасности. Но вас не шоки-

рует душевный капитал, который давно рушится. Много поколений трудилось, чтобы обрести этот капитал. Не так бы я хотел, чтобы вы уяснили себе ваше положение. Дискуссию, которую я начал с вашим отцом, юноша, я хотел продолжить с вами, привести вас через эту дискуссию к самостоятельному национальному сознанию, к тому национальному ядру, которое в вас, юноша».

Возвращение в Германию это возвращение к местам детства. Наоми идет в гости к дочери поварихи семьи Френкелей Эмми. В квартале, где дома вытянулись в струнку, она останавливается около часового. Он требует удостоверение личности. Вдоль улицы видны еще охранники, следящие за входящими и выходящими людьми. Она подает ему израильский паспорт и напряженно ждет какого-нибудь перекрестного допроса. Охранник изучает ее лицо сухим и жёстким взглядом, тщательно рассматривает паспорт, и задает множество вопросов, например, была ли она под судом, откуда она, кого собирается посетить, какова цель посещения, и так далее. Кажется, этот кошмар никогда не кончится. Наконец, она оказывается перед порогом небольшого дома Эльфи. А вот и сама Эльфи, одетая в какую-то жалкую одежду. Вокруг нее крутятся собаки и кошки. Эльфи, высокая, все еще стройная женщина, расчувствовалась при виде дочери господина Френкеля. Эльфи хорошо помнит черноволосую девочку Бертель, с которой она иногда бродила по паркам. Много тогда говорили об ее уме и непохожести на окружающих людей. В отличие от Бертель, Эльфи училась в обычной школе и была средней ученицей.

Эльфи изумленно рассматривает непривычно элегантную Наоми.

Эльфи рассказывает, что родители ее умерли естественной смертью. Работает она сестрой милосердия. Муж ее, актер, был изгнан из театра, ибо отказался вступить в коммунистическую партию. Он исполнял главную роль в пьесе Генриха Манна «Гражданин», и полностью солидаризировался со своим героем. Понятие «гражданин» в Германии определяет человека, подчиняющегося кому-то, то есть, несвободного. Теперь он работает на скотобойне. Наоми возвращается в западный Берлин, чтобы купить продукты. Муж Эльфи, человек прямой, удивленно спрашивает: «Почему ты возвращаешься к нам? Мы ведь не очень гостеприимны». Вежливые манеры еврейки из Израиля не сочетаются с его прямодушием. Он и не скрывает, что они с Эльфи, были нацистами. Ее появление у них кажется ему подозрительным. Она же не обращает внимания на холодный прием с их стороны. Их жалкое состояние даже доставляет ей удовлетворение. Эльфи – дочь любимой их семьей кухарки Эмми, принадлежит прошлому.

«Я исследую развитие фашизма и пишу роман», – отвечает она ему, и он вспыхивает.

«Будем откровенными!» Эльфи обрывает фразу, уже готовую сорваться с его языка: «Я не знала, что делают с евреям». “Не лги! – обрывает ее муж, – мы решили говорить откровенно».

Он рассказывает, что был шестнадцатилетним парнем, когда приехал из деревни в Берлин. До того вообще не видел в глаза еврея. Поэтому верил россказням, что евреи – существа с рогами. Гитлер знал, как использовать то, что многие немцы не встречались с евреями. В 1942, когда он был мобилизован в армию, и впервые увидел евреев, они были униженными и лишенными человеческого облика.

«Как ты не знала, что делают с евреями? – спрашивает Наоми, и Эльфи взрывается: «Не знали».

«Ты не знала, что творится в Германии?! В те времена, дети играли в любимую ими игру. Делились на два лагеря. Один лагерь приклеивал себе желтые листья, а те, кто составлял другой лагерь, уничтожали их. Все дети это знали. Десятки раз я видела эту охоту, но это было делом обычным, никого не смущало и не возмущало».

Эта долгая тягостная беседа завершается существенными выводами. Эльфи признается: «Пойми, я всегда была девочкой с непростыми душевными проблемами. Не знала, как жить. Когда Гитлер пришел к власти, я неожиданно стала организованной, и все личные мои проблемы исчезли. И это длилось все годы, пока я была мобилизована. Сегодня я снова сама по себе и снова не справляюсь с самой собой. Скажу тебе всю правду – я знаю, кем был Гитлер и что он сделал. И вопреки всему этому, я скучаю по тому времени. Если бы сейчас явился новый Гитлер, я бы побежала за ним».

Наоми понимает, что Эльфи говорит правду. Большинство из ее собеседников, даже люди ее поколения признаются, что тоскуют по этому времени, считая его расцветом Германии. Каждый из них был кем-то, каждый что-то делал и у каждого был свой статус в обществе. Это был один из главных принципов гитлеровской организации, – каждый немец кем-то или чем-то командовал. Каждому гражданину давали возможность гордиться и осознавать свое величие. Все, кто прошел этот нацистский период, жили в нем, связаны с ним глубокой душевной связью. И тут не поможет никакое логическое объяснение.

Она приглашает Эльфи с мужем в дорогое западноберлинское кафе. Сестра Эльфи сгорает от любопытства увидеть Бертель, ставшую преуспевающей писательницей, и присоединяется к ним. Гости из восточного сектора, предъявив документы, пересекают границу. Они надели свои лучшие костюмы, устаревшие и довольно потертые. Они взволнованы и счастливы, попав в такое роскошное кафе, радуются угощению и посуде. Они расспрашивают Наоми об Израиле. Никакого антисемитизма не ощущается в их вопросах. Наоборот, отношение их к евреям сугубо положительное. О жизни в восточной Германии они говорят вполголоса. Здесь они могут откровенно поговорить об общей трагедии Германии и трагедии их семей. Брат Эльфи погиб на войне. Отец-инвалид умер во время войны, после бомбардировки американцами предприятий Круппа в северо-западной части Германии. Мать вернулась в Берлин нищей. Она ела траву, пока не умерла от голода. Две ее дочери тоже оказались в нищете и не могли помочь матери. Наоми слышит трагическую историю любимой кухарки, которая неожиданно покинула их дом после получения предостерегающего письма от брата, и сердце ее ожесточается. Призраки Катастрофы встают ней, и нет в душе ее милосердия к предателям, которые пошли за Сатаной.

Наоми разыскивает своего учителя географии.

Она приходит к многоквартирному дому около разрушенной при бомбежке церкви. Аккуратно одетый мужчина, типичный немец, открывает ей дверь.

«Кто вы, госпожа? Чего желаете?»

«Я разыскиваю дочь моего учителя»

«Это моя жена».

«Я приехала из Израиля. Девочкой я была ученицей отца вашей жены».

«О, да! Анна-Мари, иди сюда! Тут пришла женщина из Палестины. Девочка, о которой всегда говорил твой отец».

«Как же ты заставляешь ее стоять в коридоре?!» – высокая голубоглазая блондинка укоряет мужа. «Пожалуйста, заходите». Она оставляет ребенка на полу, среди игрушек, и всплескивает руками:

«Какая неожиданность!»

Наоми спрашивает об учителе географии, стараясь скрыть удивление бедностью мебели в квартире. В гостиной всего лишь стена, заставленная книгами, посреди комнаты круглый стол, покрытый скатертью, и четыре стула вокруг стола.

Хозяйка рассказывает, что отец был убит во время подпольного собрания против нацистов, бомбой, сброшенной с английского самолета. Наоми рассказывает об ее отце, который обычно просил ее открыть учебник. Это был знак уважения к ней, отличнице.

«Отец, как только заходила речь о евреях, вспоминал маленькую черноволосую девочку, рассказывал о том, что она была самая умная в классе, и характер у нее был своеобразный. Она, несомненно, была отмечена гениальностью, но вынуждена была оставить школу при университете и покинуть Германию из-за прихода Гитлера к власти».

Тем временем, стол приготовили к ужину, и темой беседы стала жизнь в современном мире и в Израиле. Наоми рассказала о семье, о причине ее посещения Германии, и, конечно же, идеализировала Израиль. Ни одного слова критики Израиля она не произнесет в Германии, несмотря на то, что ей там далеко не все нравится.

«По вашему мнению, Германия изменилась?» – спросил мужчина, напряженно ожидая ответа.

«Мы хотим знать правду, – уточняет хозяйка, – мы создали организацию, борющуюся против малейшего проявления нацизма. Эта борьба составляет смысл нашей жизни. Мы хотим очистить Германию от нацистской нечисти. Мы уже привлекли к суду нескольких человек за их нацистские и антисемитские высказывания».

Пришло время прощания.

«Будьте с нами на связи, – тон был дружественным и искренним, – обещайте сообщать нам, если наткнетесь во время вашего путешествия на проявления нацизма».

После встречи с дочерью учителя географии естественно было посетить саму школу. По пути она размышляла о Гете, Шиллере и о том, как расцвел фашизм в Германии. Нацисты пришли к власти, и Гёте был оттеснен в сторону. Его поэзия была чужда нацистам. А романтик Шиллер был признан великим поэтом германского народа. Каждый ученик должен был знать наизусть его стихотворение «Колокол», провозглашающее германский национализм. Почему нацисты уцепились так за романтику? В романтическом подходе, считает Наоми, можно давать нереальные ответы на все вопросы жизни. Это подходило нацистам. В их доме Шиллера не любили и даже высмеивали его поэзию. Но в восемнадцатом веке евреи, которые страдали от антисемитизма из-за своей непохожести на окружающих, приняли Шиллера, как освободителя. Идеализация, которую он придал миру, подходила тогда евреям, а позднее – нацистам. С такими мыслями Наоми пришла к воротам школы, находящейся в коммунистической части Берлина.

Никакого имперского величия уже нельзя было различить в некогда элитной школе. Не было скульптур и картин знаменитых художников в коридорах. В классах, где учились мальчики и девочки из аристократических семей, на учеников не взирают со стен портреты королей и кайзеров, военных и министров. Некогда слепящая чистотой и порядком школа, замерла, понурив голову, разрушенная бомбардировками. То тут, то там – поврежденные стены. Ничего не осталось от гимназии имени королевы Луизы. Даже лес, окружавший здание, исчез.

Голая земля лежит вокруг. После поражения Германии под Сталинградом, леса вырубали для топки печей в домах.

До войны в школе насаждался воспитательный подход по системе Песталоцци, основанный на свободе. Когда же сюда вторглась политика, требующая связи учебы с обычной жизнью, уровень образования понизился.

«Давай говорить лишь со своей душой, она всегда права», – слышит она голос Израиля. Она вспоминает проблемы, которые у нее возникли с учителями латыни и алгебры.

Иоанна сидит в классе. С красным от напряжения и беспокойства лицом она погружена в домашнее задание по латыни, заданное доктором Дотерманом, которое не успела выполнить. Она боится его. Он огромен, пузат, с широким лицом, выпяченными глазами, толстыми белыми бровями, которые ощетиниваются у него в момент гнева. Венец длинных седых волос окаймляет его огромную лысину, руки покрыты веснушками, и тяжелые его шаги слышны издалека. Когда он входит в класс, все девушки вскакивают и стоят по стойке

смирно. И горе девицам, если они ранее передали свои работы в красные большие руки доктора Дотермана! Еще ни одна из учениц не сумела удовлетворить требования строгого учителя. Он швырял тетради на кафедру, сжимал кулаки и орал на перепуганных учениц.

– Это работы, уважаемые дамы?! Просто, дерьмо. Быть может, я слишком строг, но всегда прав. И не дам ни одному человеку заставить меня отказаться от моих слов. Уважаемые дамы, старость пришла ко мне с честью, и я научу вас уму-разуму. – И он скрежетал своими вставными зубами. А если были работы, по его мнению, «ниже всякой критики», прибавлял к своей речи еще одну устрашающую угрозу: «Уважаемые дамы, из-за этих ваших работ я выйду на преждевременную пенсию, и вот тогда увидите, уважаемые дамы, кто будет вас учить, если я покину это место, и появится кто-то другой.

И все ученицы сидели, потупив головы.

Тетрадь Иоанны всегда была красного цвета, как будто на нее пролилась кровь. Это доктор Дотерман всю ее исчеркивал красным карандашом. В общем-то, нельзя сказать, что Иоанна так уже плоха в латыни, но она знает много того, что ей, по мнению доктора, знать не следует. А то, что она обязана знать, она не знает. И все это из-за господина Леви, который упражняется с дочерью по латыни, ибо он большой любитель этого языка. Эти многие, но, по его мнению, ненужные знания Иоанны сердят доктора Дотермана, и он при любой подвернувшейся возможности орет ей в перепуганное лицо.

– Анхен! – к большому стыду Иоанны, он только так ее зовет. – Анхен! Что толку с того, что милосердный Бог одарил тебя определенной мерой разума, если, в противовес ему, дьявол одарил тебя непомерной мерой лени?

Иоанна усиленно пытается перевести сейчас двенадцать предложений доктора Дотермана, которые он вчера начертал на доске, решительно требуя самым точным образом перевести их дома на латынь. Иоанна в то время думала о чем-то постороннем, и теперь торопится выполнить требования учителя. Вокруг нее невероятный шум Толстая Лотхен красит губы пламенным красным цветом, и все девицы окружают ее и громко наперебой дают ей советы, как ей придать губам форму сердечка. И среди всего этого шума внезапно раздается голос Шульце:

– Иоанна Леви, немедленно к директору.

– Иоанна, что ты уже снова натворила? Что уже снова случилось? – окружают ее девочки.

Все полагают, что это связано с тем, что случилось две недели назад у доктора Хох, учительницы алгебры. Вот уже двенадцать лет она ходит в траурных одеждах по жениху, который пал на Мировой войне. Высокая лента связывает ее волосы на затылке по моде, которая была еще тогда, в дни кайзера Вильгельма. Вся она в полосах, как зебра, благодаря черному и белому цвету. Волосы ее черно-белые, лицо белое, одежда черная. Две недели назад доктор Хох забыла учебник по алгебре и попросила его у Иоанны, которая сидит на первой парте. Ничего не подозревая, дала ей Иоанна учебник, но совсем забыла, что днем раньше сидела она в своей комнате за учебником алгебры, и вместо того, чтобы делать уроки, вырезала из коммунистической газеты головы коммунистических вождей, начиная Лениным и кончая Тельманом, и вложила вырезки в учебник. Можно представить себе выражение лица доктора Хох, когда она увидела эти коммунистические головы среди алгебраических формул! И так белое ее лицо побелело во много раз сильнее, и, не сказав ни единого слова, взяла она Иоанну за руку, и повела к директору. Только там она отверзла уста, и тонким требовательным голосом рассказала доктору Гейзе о коммунистических вождях, поселившихся в учебнике алгебры! Нельзя сказать, что директор так же заволновался, как госпожа Хох. Равнодушным движением он извлек эти головы из учебника алгебры, бросил их в ящик своего стола, и, совершив некоторое усилие, строго сказал: «Политика в стенах школы решительно запрещена!» Но тут же перевел разговор на другую тему, и попросил Иоанну завя-

зать шнурки на ботинках. Затем вернул ее на урок алгебры доктора Хох, и на этом для него и инцидент был исчерпан. Для него, но не для несчастной Иоанны. В тот же день он стала известна всей школе, как коммунистка. И учителя и привратник Шульце не раз бросали на нее враждебные взгляды. И, конечно, все они немилосердно критиковали директора школы доктора Гейзе за проявленную к девочке мягкость.

Наоми уважала директора школы и друга отца доктора Германа. На следующий день после поджога Рейхстага, социал-демократа Германа увели по коридору эсэсовцы… После чего следы его затерялись…

Глава семнадцатая

7.11.60
Гиват Хавива
Дорогая Наоми.

Не перестаю удивляться, как ты экономишь деньги, покупая столько подарков. Очевидно, ты мало ешь и на себя мало тратишь.

Что же касается писем, то посылаю тебе два раза в неделю. У меня много трудностей, о которых не стоит писать. Настроение ужасное. Надеюсь, что все это преодолею. Дити доставляет много хлопот. Забираю ее из дома ребенка в половине четвертого после полудня и возвращаю в половине седьмого вечера. Малышка проявляет самостоятельность и лишена страха. Я ужасно отяжелел. Не хочется покидать дом даже на несколько часов. Да и не хочется оставлять малышку. Много свинца накопилось в душе. Проходит это медленно. Иногда мне кажется, что свинец перейдет во мне в злокачественное заболевание. Только прошу тебя, не огорчайся.

Твой Израиль

Она оставила общинный дом, в котором проживает дядя Зело, хотя старается по мере возможности ему помогать. Старика преследует страх. Он пытается заглушать его коньяком и теряет человеческий облик. Первый раз увидев его пьяным, она испугалась. Совершенно голый, он кричал и буйствовал, ругал последними словами нацистов и все человечество. Память убитой жены и детей, черный дым, восходящий к равнодушным небесам, собственные руки, волочащие мертвые тела мужчин и женщин, младенцев, детей и стариков из газовых камер. Ад Аушвица сводит его с ума. Она преодолела шок, и старается помочь дяде, гладит его, трогает его лоб, пытаясь его успокоить. Возвращается его молодая жена, и тут Наоми становится ясно, что она поит его коньяком и убегает из дома.

«Зачем ты это делаешь? Перестань давать ему коньяк».

«Если я ему не дам, он убьет меня».

Однажды дядя повел Наоми в маленькую комнату при небольшой синагоге в Берлине, и показал потрепанные священные книги, которые были закопаны в землю и поэтому спасены. Хриплым голосом он рассказывал ей, как после войны ползал на костылях по руинам синагоги в Ораниенбауме, сожженной дотла в «Хрустальную ночь», выискивая священные книги Торы. Наоми предложила передать их в музей «Яд Ва Шем» в Иерусалиме.

Она совсем недолго прожила на летней даче дяди, но эти комнаты нагоняли на нее страх. В эти дни трудно было в городе снять жилье из-за наплыва беженцев. Супружеская пара друзей Руфи пришла ей на помощь.

«Никогда я не пускала чужих в дом», – сказала ей богатая вдова из аристократического района, сдавшая Наоми комнату по просьбе Руфи, – «но когда услышала, что ты приехала из Израиля, сдала тебе комнату без колебаний». Немка добавила, что чувствует нравственный долг что-то сделать для очистки совести.

Супружеская пара, Куно и Труда, обещают помочь ей в организации интервью с бывшими нацистами. Каждый раз они забирают ее к себе на обед, благо, живут через два дома от вдовы. Рассказывают ей о своей жизни во время войны. Христианская семья Труды, оказывается, спасла ее мужа-еврея. Все годы войны он прятался в подвале дома. Семья делала все возможное и невозможное, чтобы добыть ему еду и лекарства, ибо он страдал диабетом. Все годы они боялись сына соседей-нацистов, и потому пустили слух, что Куно забрали в Аушвиц.

10.11.60

Дорогой мой!

Не писала тебе, потому что была занята отъездом Бумбы и Руфи. Семнадцатого числа этого месяца они вместе уезжают. Настроение твое в письмах тяжелое. Холодом веет от этих писем. Понимаю, что ты не находишь теплых слов, ни по отношению к себе, ни ко мне. Живу я здесь в сильном душевном напряжении, все время возвращаясь к прошлому, ко всем проблемам, которые, казалось мне, я оставила позади. Сейчас я думаю, что жить мне надо в кибуце со всеми трудностями, которые сулит мне эта жизнь.

Получила все посланные тобой вырезки из газет, с бесконечными дебатами по поводу дела Лавона. Помнишь, мы с тобой говорили о том, что все надо видеть в рамках широкого мира. Вот, я и кручусь в том мире, и вижу: всюду высока оценка наше маленькой страны, насколько все же, изменил отношение к евреям факт, что у нас есть государство.

Насчет экономии, дорогой мой, не волнуйся, я живу очень скромно, и не потому, что так следует жить, а из внутреннего протеста к избыточной роскоши окружающей меня жизни, и из желания сохранить свою душу.

Посетила я политическое кабаре. Уровень выступлений высокий, критика острая и жестокая. На входе в кабаре надпись – слова Гейне – «Когда я думаю по ночам о Германии, то лишаюсь сна». Репертуар удивил меня своим богатством. Личная ответственность, деяния человека, мораль и политика. По сути, все о том, что мы с тобой обсуждали.

Ты спрашиваешь о восточном Берлине. Я ведь здесь, не как туристка. Я хожу по улицам, на которых росла, и знаю каждый угол. Захожу к людям, которых знала в детстве: сапожника, молочника, пекарню, где мы каждый день покупали хлеб. Те, кто меня знал девочкой, увидев меня, не знают, куда себя деть, то ли от радости, то ли от стыда, зазывают в свои дома, открывают свои сердца, развязывают языки. Узнаю много интересного. Несколько слов о финансовом положении. Зарплата рабочим колеблется в зависимости от выработки. Тяжело работаешь – хорошо зарабатываешь. Это, примерно 450 марок в месяц. Фунт кофе стоит 40 марок, фунт мяса –8 марок. Продукты стоят дорого, и нет их в изобилии. Вообще, в последние месяцы положение ухудшилось.

Обошла я книжные магазины. Пришла ли тебе книга Томсона, посланная мной? Главы романа, написанные мной здесь, вышлю тебе в конце декабря. Идет речь о завершении этого тома! Понимаешь, второй том «Саула и Иоанны» близится к концу! Кроме писания я очень интенсивно учу английский. Учитель доволен моими успехами.

Начались ли дожди? Здесь очень холодно. В один день даже шел снег. Зима явно приходит преждевременно.

С любовью,

Твоя Наоми

В тот же день – еще оно письмо.

Дорогой мой,

Благодарю тебя за письмо. Я была в ужасной депрессии. Она тотчас же прошла с получением твоего письма. Ты сидел рядом, как будто был со мной. Многое случилось за это время, что заставляет меня просыпаться посреди ночи с ощущением удушья, и я пытаюсь протянуть тебе руку, и натыкаюсь на пустоту.

Положение мое здесь действительное тяжелое. Беспокойство за тебя и за ребенка, сильнейшая тоска, и при этом лихорадка сочинения и напряжение нервов – все это ввергло меня в ужасное состояние. Вес у меня – 45 килограмм. От сильного ветра, холодного воздуха у меня сильнейшие головные боли. Это было действительно тяжелой ошибкой, что я поехала сюда в одиночку. Хотя я кончаю книгу, и с меня спадет эта тяжесть, но это тре-

бует слишком больших жертв. Поездку за границу следует готовить тщательно во всех смыслах.

Я предполагаю оставаться в Германии до середины января и закончить здесь книгу. Большую ее часть я вышлю тебе до конца декабря. В январе я хотела бы съездить в Англию на две недели, и затем вернуться домой. Если ты считаешь, что у тебя есть шансы приехать в Англию, я узнаю про условия жизни и возможность повышения квалификации для тебя. Но еще год за границей будет нелегким для всех нас троих.

Я считаю, что нам и, главное, малышке необходим спокойный год и нормальные условия жизни. Я бы предложила отдохнуть дома несколько месяцев. Вопрос денег на общую нашу поездку – не проблема. Я вернусь домой, даже если не использую всю мою стипендию. Мы должны решить о направлении дальнейшей нашей жизни. Я готова жить в Бейт Альфе без особых условий, то есть так, как живет писатель в кибуце. И это мое решение абсолютно серьезно. Находясь здесь, в этом изобилии, и видя печальные результаты этого каждый день, я сделала вывод, что следует вернуться к скромной, чистой и простой жизни. Не знаю, достаточно ли ясно объяснила тебе это, но уверена, что ты всё поймешь. Если ты хочешь продолжать жить в Бейт Альфа, мы должны начать обустраиваться.

Я знаю, что у тебя планы повышения квалификации, и это для тебя сейчас важнее всего. Я проверю в Англии все варианты и напишу тебе. Я хорошо знаю, какие тяготы возложила на твои плечи, и сделаю всё, чтобы освободить тебя от любой нагрузки, чтобы ты мог заниматься лишь своей работой.

Диктофон, который я купила, через пару ней отправлю тебе. Он прибудет на адрес моего брата Лоца, примерно, через месяц. В этом ящике будет также ковер, по-моему, очень красивый, и пишущая машинка с латинским шрифтом. Также там будет одежда и большая черная африканская кукла для Дити. Спрячь ее в шкафу до моего приезда. Диктофон просто чудо, очень помог мне в работе. Увидишь, как он изменит и облегчит и твою работу.

Пришло время написать тебе подробное письмо о Германии. Позвони Пинхасу Розену. Он написал мне очень симпатичное письмо. Такое же письмо написал мне доктор Мозес.

Поцелуй маленькую Йехудит. В следующем письме напишу о купленных мною книгах. Спасибо за книгу стихов Франческо Петрарки. Может это дерзко с моей стороны, но я очень нуждаюсь в теплых и мягких словах.

С любовью,
Твоя Наоми

14.11.60
Гиват Хавива
Дорогая Наоми,

читал твои фрагменты, включенные в письма, Лотшин, которая была у меня в четверг прошлой недели. Чтение длилось почти два часа. В глазах Лотшин время времени появлялись слезы. Дити все больше привязывается к ней. Когда мы вдвоем пошли за Дити в дом ребенка, она, увидев издалека Лотшин, бросилась к ней бежать и прыгнула в объятия. Хотя она и приносит мне немало неприятностей, но она чудная девочка, умница, полна симпатии, что все ей прощается.

Я же устал и решил поехать домой, в Бейт Альфу, на открытие нового помещения столовой. А в пятницу еще раз поехал на вечер в кибуце, взял с собой Дити. Потом уложил ее спать у нас в комнате, но она, конечно же, не дала мне ни спать, ни отдохнуть. Все последние дни я ложился поздно, и не мог уснуть до двух часов ночи. Все делал расчеты. Два первых месяца твоего путешествия по Европе. А через неделю день твоего рождения. Даже в письме не напишу, сколько тебе исполняется. Затем нашей девочке исполнится четыре

годика. И мне, через две недели исполнится 58. Не особенно буду радоваться прошедшему году. Он принес мне немало разочарований.

Извини меня, дорогая моя, что ничего тебе не послал ко дню твоего рождения. Я почти не выходил наружу, кроме поездок в Бейт Альфу. Шлю тебе много поздравлений, женушка моя. Надеюсь, что мы увидимся после твоего приезда и найдем друг друга более посвежевшими, но и более постаревшими, более любящими друг друга, более веселыми и с большей надеждой глядящими в будущее.

Я слежу за тобой всеми путями по твоим письмам, слежу за каждым твоим словом. Сердце мои и мысли мои всегда с тобой. Надеюсь, что ничто не испортит нам наше будущее, нашу работу, радость нашей жизни.

Мечтаю увидеть глубину твоих черных глаз.

Твой Израиль

17.11.60

Дорогой мой,

сегодня Руфь и Бумба улетели в Израиль Трудно представить, насколько болело мое сердце, что это не я взлетаю на самолете. К вещам, которые они везут, прибавились новые вещи. Свитер для тебя, свитер для Дити, кожаная сумка для тебя и кожаный поясок для Нои, о которой ты ничего не пишешь. И, главное, альбом с фотографиями твоей женушки, снятыми ею фотоаппаратом, который я тебе купила. Послала также пленку. Прошу и вас сфотографироваться и прислать мне снимки. После суматохи последних дней, сейчас все успокоилось, и я смогу завершить свою работу.

Ты спрашиваешь, что мне купить ко дню моего рождения. У меня к тебе большая просьба. Сиди спокойно или лежи в нашей постели и вспоминай все хорошее, что было у нас, все счастливые минуты. Я такое уже сделала и верила, что ты чувствуешь то же самое. Твоя личность глубоко запечатлена в моем сердце. Знаю, без тебя личность моя не раскрылась бы, и только ты своей мудростью и утонченностью сумел открыть во мне все лучшее.

Сейчас здесь золотая осень, и я живу в районе вилл, парков, красивых аллей. Я гуляю, погружая ноги в толстый слой желтых листьев, вспоминаю стихотворение Рильке об осени, и прислушиваюсь к голосу моего сердца. Есть у меня дом и любимый человек, и душа моя стремится к тебе. И не считай меня слишком романтичной. Ты рассказывал мне о польском поэте, который сказал: когда я слышу гром орудий, я хочу воспевать розы. Тут, в громе тяжких переживаний и душевного напряжения, хорошо обращаться к приятным воспоминаниям и счастливым часам, которых не наблюдают.

Живу я в красивой комнате. Хозяйка – женщина богатая, вдова, одна живущая в огромном доме. Сегодня сказала мне: никогда и никому я не сдавала комнаты, и даже представить себе не могла такого. Но когда услышала, что вы из Израиля, согласилась сдать вам комнату без колебаний. Всегда я буду чувствовать долг – сделать для евреев все, что в моих силах.

На неделе был день, посвященный германскому солдату, под девизом – «Презрение и болтовня». Я была удивлена, увидев по телевидению фильм под названием «Приказ и совесть», главная мысль которого – первым делом – совесть, а не приказ. Сюжет, естественно, связан со Второй мировой войной, тема – солдат получает приказ расстрелять заложников и, раздираемый конфликтом между совестью и приказом, решает в пользу совести, и нарушает приказ. Помнишь ли, дорогой мой, письмо Пинхасу Розену об Эйхмане? Там ты тоже коснулся проблемы совести и приказа. У меня порой создается впечатление, что есть такие проявления духа в мире, что до Израиля не дошли, и только ты опередил всех. В следующем письме напишу о моих беседах здесь – о классовой борьбе и тому подобных

темах. Кстати, упоминаемому мной Пинхасу Розену я послала с Бумбой подарок. Так что позвони ему, передай от меня привет, расскажи о подарке и спроси, как он себя чувствует.

Очень хочу знать, как ты встретишься с Руфью и Бумбой.

Береги себя и не уставай.

Целую,

твоя Наоми

17.11.60

Дорогая моя,

Завтра исполняются два месяца с момента твоего отъезда. Вечером, вероятно, прилетают Руфь и Бумба, и не знаю, поеду ли я на семейную встречу завтра. С Дити было трудно на этой неделе. Она была взвинчена после того, как я взял ее из дома ребенка. Может, это пройдет, но пока нелегко. Не обращай внимания на мои жалобы. Я рад, что книга близится к завершению.

Что же касается того, что творится у меня на душе, ты, верно, не поймешь. И нет смысла объяснять.

Для тебя эти два месяца были очень полезны. Ты собрала много материала, который должна обработать. Сестрички твои за границей, главным образом, Ильзе, в переписке с Лотшин, потрясены твоими успехами.

Я считаю, что ты должна предельно использовать время твоего пребывания там, и ни в коем случае его не сокращать. У меня же время просто протекает между пальцами. По сути, остается на работу три часа в день, и все время – хамсины. Я не становлюсь более молодым и более здоровым, и почти ничего не успеваю сделать. Что ж, так, вероятно, должно быть, и ничего не изменится до последнего часа. И есть у нас малышка, маленькая, но уже оформившаяся личность, и, возможно я не достоин – быть ее воспитателем. И она приносит мне много радости, много горечи, и много страха. Но, может, это все – преходящее настроение, но, к сожалению, оно не проходит. За окнами собирается гроза, все время – молнии. Из хамсина прямо в ливень. Плохо мне. И я ужасно огорчен, что не в силах это скрыть.

Всех благ, Израиль

Поезд выпускает клубы дыма в воздух западного Берлина, удаляясь от него. Иностранное гражданство открыло Наоми дорогу в коммунистическую Германию, к местам ее детства. Артур, бывший муж одной из сестер, использовал свои связи и организовал для Наоми разрешение на поездку в Пренслау. В восточной Пруссии, во владениях Гинденбурга, Германия была передана в руки Гитлера. Там, среди черных лесов, Шварцвальда, она попытается взять интервью у типичных юнкеров, ощутить атмосферу, окружавшую владельцев прусских усадеб накануне прихода Гитлера к власти.

В вагоне поезда, везущего ее в Пренслау, Наоми думала о судьбе Фриды. Никто ничего не знал об их домоправительнице. Быть может, Фрида сняла квартиру в Берлине и жила нормальной жизнью? Или вернулась в родную деревню недалеко от Берлина, которую покинула молоденькой девушкой в дни кайзера Вильгельма Второго, чтоб служить у деда Наоми. Может, нацисты отобрали ее капитал со счета в банке, который она скопила за годы работы. Христианка Фрида растила детей с искренней любовью и преданностью.

«Семья Френкель это моя семья. Дети господина Артура Френкеля мои дети. Я одна вырастила их и сделала людьми», – говорила Фрида каждый раз перед Рождеством, получая свою годовую заработную плату. «Конечно, я составлю завещание, и оставлю вам все мои богатства», говорила она детям.

Пренслау – красивый небольшой городок, скорее сельский поселок. Усадьба деда возникает в сумерках, среди зеленых полей с черными лесами на горизонте и черной землей.

В одну из нелегких бессонных ночей она записала:

Это было в маленьком городке, в Померании, области восточной Германии. Когда-то мы здесь проживали. Городок выглядел погруженным в глубокий сон. Все приехавшие шли по его улочкам, даже не думая кого-то будить. Стена окружала городок, исключая узкие бойницы двух высоких башен, посеревших от времени, через которые, казалось, выглядывали лики рыцарей. Вооруженные мечами, гремящие железными доспехами, пожелтевшие от старости, эти рыцари, казалось, сейчас, в любой миг, могут выйти из-за стен, цокая копытами своих коней по городскому рынку. Посреди рынка – старый колодец. Черные бородатые деревья стонут под порывами ветра. Быть может, под одним из них сидел подмастерье и вырезал на стволе имя своей возлюбленной перед тем, как уйти в дальнее странствие. Быть может, это был наш дед, который много нам рассказывал о своих приключениях, сидя в тени деревьев, среди кустов сирени сада, у дома деда. Перед домом в усадьбе тянулась аллея, по обеим сторонам которой росли высокие деревья. У дома в усадьбе деда был большой двор с курятниками, загоном для коз, конюшнями, жильем для работников, обслуживающих скотину, и большим садом, где цвели кусты фиолетовой и белой сирени. За садом тянулись просторные поля до самого большого озера этого городка…

Сочные запахи рынка распространялись по всему городку. Местные жители продают и покупают плоды своего труда. Наоми не встречает среди продавцов дружественные лица. И, конечно же, нет евреев, которых тут и до войны было немного. Многие бежали отсюда от коммунистов. В соседнем городке Штетине, взгляд ее остановился на втором этаже стоящего перед нею дома. Тут жили раввин Оскар и его жена Малчин.

«Конечно, погибли в Катастрофе», – подумала она. Воспоминания преследуют ее. Она посетила этот двухэтажный дом раввина вместе с матерью и старшим братом, и Малчин угощала их кошерными блюдами Штетина. На первом этаже была синагога и кабинет, на втором – жилые комнаты семьи раввина. Наоми не любила атмосферу этого дома из-за того, что там говорили на идиш, но сказали Наоми, что это польский язык.

Она вспоминает, как издали доносились голоса и смех брата ее Лоца и его дружков, евреев и немцев, дергающих за веревку дверного колокольчика. Жена раввина выходит навстречу гостям. И тут Лоц и его друзья, маленькие хулиганы, убегают и напевают:

Малчин и Оскар весь день напролет,
День длинный
Сидят у пианино,
Малчин играет, а Оскар поет.

Что случилось с раввином и его женой?

Она ходит среди развалин Пренслау. Синагога, в которой молилась мать Наоми, сожжена и разрушена в «Хрустальную ночь в ноябре 1938 года. На старом кладбище сохранились обломки надгробий с надписями на иврите.

Она приходит на могилу матери, и дух деда сопровождает ее. Дед хотел выкопать ее матери могилу у скамьи, на которой она любила сидеть, окруженная разросшимися дикими кустами сирени. «Вся земля Германии священна!» – кричал дед Яков на отца матери, невысокого черноглазого еврея, в черном костюме. Крика этого она не забудет. У могилы матери она неожиданно увидела букет цветов на черном мраморе. И год назад Бумба нашел такой же букет на ее могиле. Наоми разглядывает звезду Давида на надгробии и надпись большими ивритскими буквами: Марта Френкель из дома Кротовских, даты рождения и смерти.

День рождения – в июле. И кто-то каждый раз возлагает цветы на могилу. Так сказал кладбищенский сторож брату Наоми. Может быть, Лотшин права: Зофи, которая замужем за немцем, все еще живет в Пренслау и посещает могилу? Сестры Наоми не хотели иметь дела с этой богатой толстой девушкой, отец которой был хозяином окружного банка в Пренслау. Толстушка Зофи бегала за молодым симпатичным банкиром. А тот отпускал комплименты Наоми, сажал ее на свою лошадь, и говорил, что она девочка красивая и умная, что вызывало гнев Лотшин. Наоми покидает кладбище, уверенная в том, что всегда будет кто-то, кто возложит цветы на могилу ее матери, но не в силах выполнить обещание, данное отцу, – перенести прах матери на еврейское кладбище в Берлине.

Беспокойство не покидает ее в здании муниципалитета. Она листает книгу со списком жителей городка 1920 года, и глаза ее вспыхивают при виде имени деда и налогов, которые он оплачивал. Что случилось с Зофи? Наоми хочет ее отблагодарить за цветы на могиле матери. Но, просмотрев весь список жителей городка, она не находит фамилию ее отца. Она покидает муниципалитет, и гуляет по улицам городка, надеясь встретить старую высокую и полную женщину. Никто в городе не знает женщину по имени Зофи.

Наоми направляется в деревню. Она отыскивает знакомые уголки, но это уже не усадьбы юнкеров. Все частное имущество перешло в руки новой власти. Большие усадьбы были ликвидированы. Весь округ потерял свой прежний характер. Лишь старые деревья, посаженные прусскими юнкерами, свидетельствуют прошлом. Она вглядывается в темную глубину леса. «Поиграем в полицейских и разбойников», – слышится ей голос деда. Высокий и гибкий, он шагает впереди всех, и громовой его голос диктует правила игры. Внуки разделяются на хороших и плохих. Гейнц, глава разбойников, исчезает среди огромных стволов деревьев. Белки скачут по суковатым ветвям, на верхушках чирикают птицы. Кукушки молчат. Разбойник Гейнц берет Наоми в плен, и маленький Бумба ликует по этому поводу. Она привязана веревкой к толстому стволу. Ужас охватывает ее. Лотшин не удается ввести ее в игру. Напуганная дикими кабанами, она вся дрожит при виде зайцев, убегающих от диких кошек из зарослей леса в зеленые поля. Смех деда немного облегчает страх от холода лесной тьмы. Смутные голоса приближаются к ней из дальних далей. Охотники, верхом на лошадях, скачут по краю болот. Посох деда Якова постукивает по тропинке в трактир, скрытый между соснами, стоящими почти вплотную друг к другу. Внуки шагают за ним. Бумба, глава победителей, восседает на плечах деда, который распевает песенки своей няни Котки:

Нет, больше ни Иисус,
Братья и сестры, кто из вас не трус,
Не пугайтесь тьмы лесной, —
Маленького Якова ведите домой.

Котка дожила до глубокой старости, но песенки, которые она пела маленькому Якову, остались в его душе. Дед и трактирщик пьют пиво из огромных бокалов, а внуки, и победители и побежденные, получают розовато-желтый лимонад. Дед берет ружье и стреляет в мишень, повешенную на стене трактира. Внуки бегают снаружи. Дед выходит к ним, оделяет всех шоколадом и начинает рассказывать свои байки.

Трактир в глубине леса предал деда. В конце 1932 дверь трактира закрылась перед евреем Яковом Френкелем. В темном лесу, в конце зеленой равнины, кончились детские игры. Теперь в трактире звучали рассказы о героях-воителях, которых предали. «Свобода дается немногим! Следует вернуться к природе и вернуть силу личности!» – кричали за столами пьяные юнкеры.

Из глуби леса слышны выкрики: «Юдке! Юдке! – догоняют ее мерзкие дразнилки из усадьбы графа. В гостиной буржуазного дома, развалившись в кресле, она пьет кофе в компании Ильштин.

«Ты еврейка, верно?!» – взрослый брат Ильштин ловит взгляд ее колючих глаз.

«Ну, да, я – еврейка. И что?»

«Я еще не слышал такой дерзости из уст еврея, – он кривит брови и обращается к своей маленькой сестре, – Попшен, ты играешь с юдке?» Ильштин дергает плечом и не реагирует.

У Инги, дочери графини и старшей сестры Ильштин, конфликт с братьями, грубиянами и антисемитами. Они насмехаются над ней, посещающей церковь. Инга любила еврейку Лотшин. В детстве они вместе ходили в школу и возвращались оттуда домой. Инга хорошо знала Тору, и свободно читала на иврите, а Ильштин все это было чуждо. Инга приходила на усадьбу деда, и у Бумбы щемило сердце. Он был любимчиком графини, и она сажала его на колени, погружала пальцы в его курчавые рыжие волосы, давала ему игрушку или красивую коробку вместе с плиткой шоколада. И Бумба, возвращаясь домой, скакал от радости всю дорогу, как козлик. Когда двери усадьбы закрылись перед ним, маленький Бумба рыдал. Не знал он, что по приказу отца, ему было запрещено посещать графиню после того, как он повторил слова сыновей графини: «Снова вернулся этот презренный еврейский мальчик получать подарки. Только евреев можно купить за подарки». Дед попросил графиню больше не принимать мальчика в своем доме. Графиня призналась, что дом ее заражен расизмом. Она сама аполитична, но ее муж и два взрослых сына – члены германской национальной партии. Графиня принесла извинение за грубое поведение сыновей.

«Юдке! Юдке! – доносятся голоса из глубины леса, из глубины прошлого, хлещут ее по ушам. Она обводит взглядом земли, охватывающие Пренслау, на которых стояла огромная усадьба графа, вспоминая деда и его друга-нациста. Оба они часами скакали на лошадях, охотясь за животными, или подолгу тайком резались в карты. Граф, потерявший много имущества и денег, был в долгах, как в шелках. Он брал в долг у деда большие суммы. Дед гордился, одалживая соседу аристократу, причем, долг превращался в подарок. Сейчас она анализирует эти странные отношения между юнкером и евреем-буржуа. Нога графа никогда не вступала в дом деда. Обычно граф лишь присоединялся в огромной беседке в воскресенье к компании мужчин, слушающих рассказы деда и смеющихся от души. Графиня, два ее сына и две дочери, тоже не бывали в доме веселого соседа-еврея. Дед не обращал внимания на такие, казалось бы, мелочи, и спокойно посещал большую усадьбу графа, иногда с внуками – Лоцем и Бумбой. Все его иллюзии, как и иллюзии его праотцев, развеялись в январе 1933. В одну ночь дед спустился на реальную почву, в одну ночь отсёк себя от хозяев усадеб в Пренслау и окрестностях. Это были верные Гитлеру люди, которые в течение десяти лет никак не могли привести в необходимое им русло власть кайзера.

Она вернулась в Берлин с твердым убеждением: «Это страна Гитлера. Германия не изменилась». В глазах ее всю дорогу стояло видение кровавого горизонта над черными лесами во время заката солнца. Ландшафты и природа восточной Пруссии лишь усиливали это впечатление. Природа диктовала ей жестокое повествование о Германии, предшествующей Катастрофе.

И некуда ей бежать. Память сжимает ее тяжкими металлическими оковами.

Ей защемило сердце. Дед не хотел признать, что покупал дружбу немцев за свои немалые деньги. Она помнит громкие споры в кабинете отца.

«Ты купил его за деньги. Я на это неспособен», – наступал на высокомерного деда Гейнц, после того, как тот купил шантажиста и нациста адвоката Рихарда Функе.

Дед кричал: «Ты думаешь, что с таким человеком, как Функе, можно говорить, как с джентльменом?! С такими типами я умею говорить, потому что знаю, кто передо мной стоит».

Она отвечает на крики, доносящиеся из прошлых лет: нет у евреев места, кроме страны Израиля.

Дорогой мой,

Я очень переживаю и уже с трудом переношу напряжение души. И я не нахожу пути облегчения. Меня просто преследует ощущение, что следует завершить этот рабочий вояж и вернуться домой. Жду твоих писем. Даже увидев твой почерк, я успокаиваюсь.

Прошлое высасывает из нее силы. Семидесятилетний Балдин, работавший мастером на их металлургической фабрике, пересказал ей с сочным берлинским акцентом до мельчайших деталей свои беседы с уважаемым господином Артуром Френкелем. Отец предстал перед ней в совершенно новом свете.

Израиль беспокоился, что она много тратит. И друзья Куно и Труда повторяли: «Береги доллары. Ценность их высока». Она в шоке: «Обманывать свое государство?!» Они удивлены ее честностью. Ведь всем известно, что евреи любят деньги! Она не принимает подарки от Артура, бывшего мужа Руфи. Но она хочет использовать его служебное положение для получения важной информации. У Артура весьма высокая должность в министерстве по выплате репараций. Он последний, кто подписывает просьбы о выплате.

«Евреи покидают Германию. Мне необходимо взглянуть на документы евреев, спасшихся от Катастрофы, это позволить мне узнать их судьбу и пути их спасения. Это поможет моим исследованиям и написанию романа»

Наоми просматривает документы и краснеет от стыда за своих соотечественников. Израильтяне требуют денег за то, что вынуждены были репатриироваться в Израиль и там жить! Граждане Израиля требуют репараций за участие в войне за Независимость, за страдания в кибуцах, за тяжкий труд, за то, что вынуждены были жить в палатках. Даже за то, что их кусали комары, они требуют повышенных репараций. Хитроумные израильские адвокаты ругают свою страну, лишь бы выудить из Германии как можно больше марок.

«Артур, государство Израиль сгорит от стыда, если однажды Германия решит опубликовать содержание просьб своих граждан. Народ, теряющий честь, подобен самоубийце. Сколько страданий и горя принесла нам, евреям, жадность к деньгам. История использует эти, ныне засекреченные, письма. Что тогда подумает и напишет историк? Евреи готовы от всего отказаться во имя денег».

Она не в силах успокоиться. И в этом замешаны правительственные чиновники, движение кибуцев и мошавов, интеллигенция, писатели. С отвращением она читала их требования. Ни одного доброго слова о своем государстве. Ни одного слова об участии сионистов в спасении евреев. Она пишет письмо министру юстиции Пинхасу Розену об этих секретных материалах.

«Однажды все это откроется, и нас спросят, зачем вообще репатриировались евреи в Израиль».

Артура спасла немецкая семья его второй жены. Все годы войны они рисковали своими жизнями, переводя его из укрытия в укрытие, расплачиваясь семейными драгоценностями. Наоми горячо принимают в их богатом доме, который он приобрел тоже на репарационные деньги.

Артур поглаживает своих породистых овчарок, говорит, что именно им останется в наследство все его имущество, то есть, оно обеспечит им уход после его смерти. Взгляд его мягок, голос негромок, но он становится жестким при упоминании о спасенных из Катастрофы.

«Артур, почему ты не завещаешь все еврейскому государству?»

«Кому я передам? Кому это все пойдет? Политическим выскочкам? Адвокатам? Они недостойны этого».

«Не все же в Израиле заражены коррупцией», – повысила она голос, и Артур удивился ее оскорбленному тону.

«Взвешу твое предложение», – задумавшись, сказал он.

На следующий день он вернулся к ней с вопросом о наследстве. Есть проблема. Передать наследство он может лишь определенному лицу в Израиле. Наоми предложила ему создать фонд «детей Тегерана». Так называли еврейских детей из восточной Европы, которые были тайно перевезены в Израиль в разгар Второй мировой войны еврейскими солдатами, воевавшими в рядах британской армии.

Она часто бывает у Артура и вспоминает, как Руфь и Артур стояли под свадебным балдахином, и главный раввин Берлина Приер вел церемонию. Бумба вел себя тихо, Наоми же не давали покоя мысли. За несколько дней до венчания она сопровождала невесту в рыбный магазин, где та собиралась купить вяленую рыбу. Она с увлечением рассказывала продавщице, что жених любит такую рыбу и вообще не могла сдержаться от переполнявших ее душевных излияний. Рассказала о том, что дальнее родство связывает семью жениха, по специальности инженера, с ее семьей. Жених – красивый мужчина, но это не женитьба по любви. Просто отец убедил ее выйти за него замуж, ибо был под большим впечатлением от его эрудиции. Руфь жаловалась на излишнюю болтливость жениха, что ее весьма раздражает. Он просто не может держать язык за зубами. Жених не очень подходит их семье.

Продавщица выразила мнение, что жена может воспитать мужа. Девочка Бертель была солидарна с сестрой. Тут возник болтун жених, и девочка ощутила к нему неприязнь. Через год у них родился сын Ганс, чудный мальчик. Но он умер восьми лет, в Аргентине от воспаления легких. Семья посчитала, что их бегство их Германии привело к его смерти. Резкие изменения в их жизни, новая страна, новый язык, новое общество, всё это требовало от ребенка душевных усилий, которых он не выдержал. Двое детей, рожденных Руфью позднее от другого мужчины, не успокоили ее душу. Они не смогли заменить ей сына от Артура.

Вооруженная твердым мнением, что немцы – народ варваров, антисемитизм у них в крови, и они способны нести гибель всему миру, группа из шести израильских исследователей определила область исследования и распределила между собой работу. Один изучит немецкие учебники, начиная с восемнадцатого века, другой – политическое положение, экономику, общество до прихода к власти нацистов. Шломо Аронсон займется ключевыми фигурами нацистской партии. А Наоми исследует членов секты «Сыны Иисуса», которые тайком занимались спасением евреев.

Для израильтян были открыты архивы, библиотеки и секретные документы. Но результаты исследований противоречат первоначальным установкам. Корни зла не вырастают из страниц учебников германской истории, как представлялось исследователям. Только нацисты ввели в учебные программы изучение мифов о нордических идолах.

С явным отвращением представил свои данные Шломо Аронсон. Рейнхард Гейдрих планирует уничтожение евреев, а его дед и бабка – евреи. Это зафиксировано в книге еврейской общины, найденной в муниципалитете Штутгарта. Отец Гейдриха принял христианство, женившись на актрисе. Их сын Рейнхард приобрел красивую внешность от матери, которая считалась эталоном арийского типа. Блондинка с голубыми глазами, красивой формой лица и точёной фигурой. Гейдрих внешним обликом представлял классический тип высшей арийской породы, и пленил сердце Гитлера, который знал о еврейском происхождении своего любимца, и сказал: «Я решаю, кто тут еврей, а кто нет», и дал в руки Гейдриха большую власть в нацистской партии. Аронсон нашел в книге еврейской общины Штутгарта имена еврейских деда и бабки Гейдриха. Оттуда следы повели на еврейское кладбище. Хотел

своими глазами убедиться, что речь не о привидениях. Нашел могилы деда и бабки Гейдриха, и был шокирован до глубины души. Нацисты уничтожили с корнем их надгробия.

С продолжением исследований все предварительные теории о германском народе рассыпаются, как карточный домик. Ни один документ, попавший израильским исследователям в руки, не может четко и однозначно объяснить приход Гитлера к власти. Одно ясно: Германия была не более антисемитской страной, чем другие европейские страны! К примеру, в княжестве Саксония вообще не было еврейской общины. И миллионы германских подданных не соприкасались с евреями. Евреи в основном селились в южных областях Германии и в Берлине. Быть может, именно поэтому немцы верили всем лживым россказням о евреях, распространяемым нацистской пропагандой. Наоми и сама читала, что антисемитизм был посеян во Франции и Германии Юстином Стюартом Чемберленом, сыном британского адмирала, который родился в Англии и умер в Германии в 1927 году. Гитлер считал чудом успех Чемберлена в распространении антисемитизма. Чемберлен взял в жены дочь другого антисемита, композитора Рихарда Вагнера, перед которым фюрер преклонялся.

Израильтяне попадают в неприятное положение. Тяжкий дух антисемитизма, оказывается, царил в странах, которые считались свободными от этой заразы. Когда они стали сравнивать положение немецких евреев с положением евреев в католической Франции, то были потрясены. Оказывается, именно, во Франции, первой стране, провозгласившей эмансипацию евреев, антисемитизм был особенно распространен. Экономический кризис в восьмидесятые – девяностые годы девятнадцатого века, усилил враждебность к евреям. Антисемитские плакаты вещали об эксплуатации евреями традиционного французского общества, что привело к безработице и попытке новой общественной революции. Возникли сотни антисемитских союзов и лиг, организованные, главным образом, академическими кругами. Распространялись требования уничтожить евреев. В письмах, посылаемых гражданами в газеты, евреев называли вредными и вонючими животными, или вирусами и распространителями раковых заболеваний в стране. В 1886 опубликована книга французского писателя Эдуарда Дрюмона «Иудейская Франция», в которой автор разъясняет коренное различие между «семитами» и «ариями» и обстоятельно касается опасности еврейского засилья во Франции. Он публиковал статьи в антисемитской газете, обвиняя евреев в финансовых махинациях, приведших к кризису. Вся эта ложь и подстрекательства падают на благодатную почву ненависти и жажды мести чужеродному племени, лишенному отечества. В 1891 во французский парламент группой депутатов-антисемитов вносится предложение изгнать евреев из страны, чтобы защитить величие и духовные ценности Франции. Ассимилированные французские евреи стараются не выделяться из боязни еще сильнее возбудить страсти. Процесс французского еврея армейского офицера Альфреда Дрейфуса сотрясает всю страну. Он обвинен в передаче секретных документов вражеской стороне, разжалован и сослан на остров. Нет никаких доказательств его вины. С увеличением эмиграции евреев из Франции в Англию, и там усиливается антисемитизм. Чужаки, говорящие на языке идиш, пугают христианское население: «Эти евреи увеличат преступность и принесут неизлечимые болезни».

А что в Германии? В восемнадцатом веке в стране процветал гуманизм. Но антисемитские проявления ее не миновали.

Однако власти не использовали антисемитизм для достижения своих политических целей. Так было до появления Гитлера. Кайзер Вильгельм Первый и канцлер Бисмарк запретили священнику Штекеру антиеврейские проповеди и объявили незаконной христианскую рабочую партию.

А Гитлер превратил расизм в орудие политики.

В германских школьных учебниках особое внимание уделялось духовному развитию человека. Ведь именно Германия была первой страной в Европе, которая ввела всеобщее

обязательное образование до четырнадцатилетнего возраста. Так было во всех государственных школах, за исключением религиозных, находившихся в ведении церкви.

Можно было бы объяснить антиеврейские настроения влиянием церковного реформатора Мартина Лютера, известного своим лютым антисемитизмом. Но и это предположение не стоило принимать, ибо, в отличие от других государств Европы, церковь в Германии находилась на обочине общественной жизни.

В центре политической жизни страны стояла социал-демократическая партия, созданная в 1869. Нельзя сравнивать протестантов Британии и Дании с гражданами Германии. В тех странах религия ставилась во главу угла жизни нации. Придя к власти, Гитлер обратился к Англии с призывом, что они не должны воевать между собой, ибо корни их едины.

Выводы израильских исследователей были противоречивы, а иногда неожиданны. Выяснялось, к примеру, что нацизм вырос в европейской стране, которая первой уничтожила еврейские гетто. Другой факт был еще более удивительным: в шестнадцати государствах, образующих Германию, в которых, в общей сложности, проживало около восьмидесяти миллионов жителей, евреев насчитывалось шестьсот тысяч. При этом они были сконцентрированы в отдельных городах, так что были государства, которые, вообще, не соприкасались с еврейскими общинами. Выяснилось, что командиры подразделений, уничтожавших евреев, в большинстве своем были из северной части Рейн-Вестфалии, государства, которое было присоединено к Германии при Бисмарке, и большинство его населения составляли датчане, потомки нордических варваров. Известный нацистский преступник доктор Менгеле был датского происхождения, как и множество высших нацистских командиров.

Израильские исследователи поняли, что все их предварительные предположения ошибочны. Следует выработать новый подход к фактам. Германия состоит из разных народов, которые были объединены Бисмарком, и нечего говорить о едином народе. Нечто более глубокое превратило Германию в антисемитское государство. Не согласен с ними был Шломо Аронсон, который никак не мог прийти в себя узнав, что дед Генриха Гейдриха крещеный еврей. Только спустя некоторое время он, все же нашел доказательства, что в жилах архитектора массового уничтожения евреев не текла еврейская кровь.

Тем временем, коллегам Наоми пришло приглашение на церемонию памяти немецких генералов, участников покушение на Гитлера. Церемония должна было состояться во дворце спорта. Там же награждали знаками отличия и денежными премиями немцев, спасавших евреев по велению совести. Наоми было поручено узнать имена и адреса тех, кому будут вручаться премии, и взять у них интервью. В муниципалитете она встречается с инициатором церемонии Вилли Брандтом, мэром западного Берлина. Известный социал-демократ Брандт сумел бежать в Скандинавию, а оттуда в Америку. После разгрома нацистов, он вернулся в Германию и, при поддержке американцев, был избран мэром. Она представилась Брандту. Рассказала о государстве Израиль и стипендии имени Анны Франк. Он пригласил ее снова посетить мэрию.

Наоми не стала терять время. Она пересекла Германию вдоль и поперек, чтобы встретиться лицом к лицу с мужественными людьми, не побоявшимися противостоять нацистам.

Первой, была встреча с берлинской портнихой. Худенькая женщина рассказала, что обычно стояла на перекрестке. Увидев машину гестапо, приближающуюся к их району для охоты на евреев, она бежала их предупредить. Рискуя жизнью, прятала евреев на чердаке своего дома и в подвалах. Женщина делила с ними кров и еду. Накануне падения нацистской власти, гестаповцы увезли ее в Дахау. Ей удалось уцелеть. На вопрос Наоми, почему она рисковала жизнью во имя евреев, она ничего не ответила. Наоми настойчиво продолжала спрашивать. В конце концов, та ответила с потрясающей прямотой и простотой: «Вы знаете что? Гитлер этот не нравился мне, был не в моем вкусе. Он мне не подходил. Просто я его не любила».

На сцене дворца спорта сидит мэр и представители муниципалитета. Вилли Брандт объявляет, что в зале находится гостья из Израиля.

«Госпожу Наоми Френкель просят на сцену».

Брандт открывает вечер подробным описанием положения Германии в нацистский период. И отблески событий 1932 года встают перед ее глазами. Речь Гитлера, факелы, грохот барабанов, рев труб и толпы и ее бегство домой. Брандт говорит, что необходимо было личное мужество, чтобы вести себя нормально и не сдаваться Гитлеру, и вызывает на сцену ту самую берлинскую портниху.

«Гитлер ей не подходил, так она ответила госпоже Наоми Френкель».

Брандт благодарит портниху и вручает ей от имени муниципалитета премию в тысячу марок.

Типичная немка, на лице которой глубокая печаль, привлекает внимание Наоми. Чувства ей подсказывают, что у этой, стоящей отдельно от всех, высокой и худой блондинки, в прошлом случилось что-то тяжкое. Она подходит к женщине.

«Меня зовут Наоми Френкель. Я занимаюсь исследованием Германии. У меня такое впечатление, что и вы должны были получить награду. Я приехала сюда, чтобы искать тех, кто был против нацистов. Буду вам очень благодарна, если вы расскажете о себе».

Они усаживаются за столик в кафе, недалеко от дворца спорта. Наоми, стараясь не быть назойливой, изучает лицо собеседницы, которая, несомненно, в молодости была красавицей.

«Я помню это кафе с детства», – делает Наоми первый шаг, чтобы вызвать немку на разговор, следит за ее движениями.

«Я беженка. Мои братья и сестры сумели бежать, но все дяди и тети были уничтожены в Аушвице. Нацисты схватили моего любимого человека. Он был очень образован. Увезли его в Аушвиц. Я знала, какова судьба еврея, взятого в концлагерь, и решила его спасти».

Немка рассказывает, что проникла в Аушвиц, одевшись в форму женщин, служащих в СС. Обнаружила, что любимый – в списке осужденных на смерть. В порыве отчаяния, она напала на эсэсовца, попавшегося ей на дороге: «Я не хочу иметь с вами никакого дела! Я не хочу вас знать! Отойдите в сторону. Дайте мне дорогу!»

«Я вырвана с корнем. Ни немка, ни еврейка. Нет у меня места в этом мире».

«Поезжайте жить в Израиль. Ваше право – жить с еврейским народом в государстве Израиль».

«Нет у меня права жить в Палестине. Я не прошла все ужасы, которые прошли евреи. И ничего не сделала, чтобы их спасти. Только искала своего любимого человека».

Наоми продолжает скитаться по Германии, и ее гнойные раны кровоточат. Она интервьюирует десятки людей, которые получили награду за спасение евреев. Большинство спасителей были простыми людьми. Как и портниха, многие из них затруднялись объяснить, почему рисковали жизнью во имя спасения евреев. Она приходит к выводу, что ни идеология и ни мировоззрение стоят за их решением. Они обычно повторяли, что Гитлер им не нравился. Большинство из них были верующими христианами и преклонялись перед Иисусом Христом.

Она размышляет над силой религии. Она вспоминала германскую мифологию. Варвары проповедовали убийства, войны, разврат. Германский эпос брутален. И Гитлер думал о том, чтобы вернуть потомкам нордических племен их древние символы. Нордические племена, и среди них варварские германские, не прошли внутренний процесс культурного развития. С помощью меча римская империя навязала христианскую веру германским племенам, но они и их потомки не впитали нравственные ценности. С этими мыслями она снова прочитала книгу «Поэзия нибелунгов».

В германском эпосе, обнаруженном в восемнадцатом веке, она нашла атмосферу язычества, в которой властвует месть, жестокость, безумие. Она углубилась в исследования рас-

пространения христианства в северной и центральной Европе. Она рассматривает еврейство как противопоставление язычеству. Еврейский народ, в отличие от язычников, не знал периода варварства. Величие еврейского народа в том, что он хранил народы от варварства. В двадцатом веке «Поэзию нибелунгов» берут на вооружение нацисты. Рихард Вагнер в своей книге «Евреи и музыка» пишет, что евреи – народ чужеродный, лишенный музыкального таланта. Композитор Вагнер, убежденный в своей гениальности, вдохновлен нордической мифологией. Вагнер стилизует нордическую музыку, используя функциональные и весьма необычные формы гармонии с небольшим выбором музыкальных средств. Эта музыка возбуждает публику. Гитлер и его приспешники видели в музыке Вагнера выражение истинно арийского, германского духа. Гитлер поддерживал театр в Байрейте, выстроенный Вагнером, в котором шли все его оперы, соединенные в «Кольцо Нибелунгов».

Наоми пишет и днем и ночью, часами ходит по улицам и переулкам бывшего рабочего квартала.

А в это время израильская спецслужба МОСАД захватил в Аргентине Адольфа Эйхмана.

Немцы, с которыми говорит Наоми, его оправдывают.

«Он получил приказ, а приказ надо выполнять», – говорят ей.

«Госпожа, поговорим откровенно. Женщина его привела к позорному концу. Ева Браун виновна в его падении».

Она слышит это в кафе, ресторанах, в беседах за обеденным столом.

«Госпожа», – говорят ей, – скажу вам правду. Гитлер сделал для Германии много хорошего. Только в самом конце у него был нервный срыв».

«А ведь сколько полезного он сделал», – восторгался вождем в 1936 отец Эльфи, муж поварихи Эмми. Этот новоиспеченный нацист, совсем недавно социал-демократ, с гордостью смотрел на дочь, истинную арийку в форме гитлерюгенда. Он говорил о новой Германии, как о чуде творения. «Нацисты восстановили государство, дали всем обеспеченную жизнь, вернули закон и порядок, – говорил он, и лицо его светилось удовлетворением. Гитлер – нужный человек в нужное время!»

Так считало большинство немцев.

Нацисты ограбили всю Европу. На какое-то время завалили трофейным добром Германию. Многие из ее собеседников словно бы забыли страшную катастрофу страны, и тоскуют по изобилию Третьего рейха. От этих разговоров, Наоми начинает тошнить. На вечеринке у ее друзей Куно и Труды, пристал к ней однорукий инвалид войны. Пригласил ее на танец. Она ответила, что вообще не танцует. Он сидел напротив нее, сверлил ее взглядом, пытался с ней флиртовать, сказал, что только еврейские женщины так красивы, как она. Навязался ее провожать, сказал, что во время войны был офицером.

«Нацистом!» – громко сказала она.

«Да. И знай, что тот, кто был нацистом, никогда не освободится от нацизма. Нацизм это сама сущность жизни».

«Так чего же ты прилип к еврейке?»

«Ах, еврейский вопрос снят с повестки дня. Они потеряны. Гитлер сумел сбросить их со сцены Истории. Я сегодня готов на тебе жениться, и никто мне не скажет: она – еврейка. Я готов тебе доказать в постели, что нет разницы между евреями и христианами».

Она возвращалась домой и думала, что есть правда в его грубости. До войны немецкое еврейство играло определенную роль. Сейчас же, после войны, с кем бы она ни говорила, и куда бы ни обращалась, все говорят о евреях, как о чем-то незначительном. Евреи, оставшиеся в Германии, не придерживаются иудаизма.

Она приходит в семью, которая в тридцатые годы проголосовала за нацистскую партию. В гостиной сидело около двадцати человек разных возрастов, специально приглашен-

ных на встречу с израильской писательницей. Она пришла с набором пластинок речей Гитлера, от первой и до последней, в которой он прощался с народом, и сообщал, что кончает жизнь самоубийством, ибо германский народ не достоин его. Пластинки пользовались популярностью и быстро исчезли с прилавков. Только с помощью Артура ей удалось достать комплект, который она намеревалась подарить институту современного иудаизма при Иерусалимском университете. Она сказала собравшимся гостям, что хочет поставить пластинку с обращением Гитлера к молодому поколению. Тишина воцарилась в гостиной.

«Как мы сдались этой глупости!», – выкрикнул кто-то из присутствующих. Патефон гремел голосом Гитлера, который без конца возвращался к одним и тем же предложениям. Гости же занимались своими делами: ели пирожные с кремом, запивая их кофе. И, все же, Наоми не могла избавиться от впечатления, что равнодушие слушателей напускное, словно они совершенно не интересуются Гитлером. Она видела в их лицах отсвет тоски по улицам с праздничными толпами тридцатых годов, по национальной гордости, по великим надеждам, которые им внушал фюрер.

«И эти глупости вас воодушевляли? Как вы могли?!» – какой-то парень разражается смехом. Молодежь не понимает родителей. Однако Наоми видела своими глазами, как каждый день по городу маршировали колонны людей всех возрастов и слоев населения в отутюженной форме. Колонны шагали по улицам, вызывая восторг толпы, стоящей по обе стороны улиц. В огромном дворце спорта она видела, как Гитлер приводил в безумие массы слушателей своими истерическими речами. Сверкающие значками мундиры, кинокадры, грохот барабанов, пронзительные звуки медных труб, полыхающие знамена, пылающие факелы, – все это возбуждало надежды в сердцах немцев, – и вот к чему это привело.

Глава восемнадцатая

Она не узнает мест своего детства. Квартал дорогих вилл разрушен. Гуляя вдоль улицы Гётештрассе, она останавливается у дома номер 16. Второй этаж некогда роскошного особняка снесен.

Чужаки захватили бывший дом Френкелей на круглой площади в Вайсензее. Наоми растеряна, сердце бьется сильнее. Здесь она росла. В этом тихом квартале проживало не так уж много еврейских семей. Дом отца и еще несколько домов сохранились. Остальные разрушены, и на их месте возвышаются уродливые многоэтажные здания, окрашенные нелепой розовой краской. В них живут семьи рабочих. Бомбардировки союзников разнесли ее родной квартал в пух и прах. Наоми взволнована хаосом разрушения. У их дома стоит охрана в полицейской форме, и она не решилась приблизиться к нему. Теперь тут живет один из вождей восточного Берлина. Ощущение такое, что ее отхлестали жестоким кнутом.

Отсюда она поехала на Гроссенплац чтобы увидеть дом номер 56–58, в котором заседала «комиссия Ванзее» 20 января 1942. Гейдрих, возглавивший план «окончательного решения еврейского вопроса», собрал представителей нацистской партии и ответственных уполномоченных власти, обсудить «еврейскую проблему», план организации всеобщего и окончательного уничтожения евреев на всей территории, контролируемой нацистской Германией.

На следующий день она снова подошла к дому. Разрушенный бомбой второй этаж терзал ее, как гнойный нарыв. Долгие часы проводит Наоми перед домом, не в силах отойти, словно ноги приросли к остаткам мостовой, вымощенной когда-то цветными камнями. И не может оторвать взгляда от оставшегося нетронутым, хотя и потерявшего прежний блеск цветного витража над входной дверью. Она видит весь прежний дом, ряд комнат на этаже детей, бассейн, наполненный молодыми голосами. По комнатам, словно бы заново сотканных воспоминаниями, бродят дед, отец, братья и сестры, Фердинанд и Фрида, старый садовник Зиммель и повариха Эмми, служанка Китшен, и две сельские прачки… Они проходят вереницей теней, наваливаясь печалью на ее душу.

Комнаты родителей, комнаты детей, гостиные, комнаты служанок, читальный зал с огромной библиотекой, захлопывающиеся перед ней двери, вместе с Бумбой она скатывается по перилам лестниц, они бегают вдоль дубовых полок, загруженных тысячами книг, и из глубины прошлого доносится уже ослабевающий голос воспитателя: «Бертель, ты умная девочка, не подобает тебе вести себя, как он».

Друзья не советуют ей так часто посещать коммунистическую Германию. Но неодолимая сила магнитом влечет ее к отчему дому.

«Госпожа, – она набирается смелости и обращается к женщине, вышедшей из дома и направляющейся к автомобилю, – это бывший дом моего отца. Мой дед купил его еще в прошлом веке. Я выросла в нем». Она держит в руках израильский паспорт, как некую гарантию безопасности, говоря женщине: «Я приехала из Палестины. У меня к вам просьба – разрешите мне увидеть дом, в котором я родилась».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.